

ВИКИНГ РЮРИК

СЛАВЯНСКИЙ

ВАСИЛИЙ СЕДУГИН

КРОВЬ
ГЕРОЕВ

Василий Иванович Седугин

Славянский викинг

Рюрик. Кровь героев

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6695798

Славянский викинг Рюрик. Кровь героев / Седугин В. И.: Яуза, Эксмо;

Москва; 2014

ISBN 978-2-699-69600-0

Аннотация

Захватывающий боевик об основателе Русского государства, который был не скандинавом, как утверждают норманисты, а славянином. Художественная реконструкция самого загадочного периода родной истории – героической и кровавой эпохи князя Рюрика.

За бессмертную славу, за власть, за великое будущее всегда приходится платить большой кровью. И Князь-Сокол расплатился с богами сполна. Вся его жизнь – жестокая схватка с судьбой, беспощадная война с заклятыми врагами Руси – саксами и данами, дальние походы во главе дружины славянских викингов. Ради своего предназначения, ради будущего Русской земли Рюрик не щадил ни врагов, ни друзей, ни самого себя. Только так вершатся великие дела и рождаются великие державы...

Содержание

Бодричи – племя соколов	4
I	4
II	48
III	53
IV	65
V	78
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Василий Седугин

Славянский викинг

Рюрик. Кровь героев

Внучке Машеньке

Бодричи – племя соколов

Даже в позднее время, в XII веке, страна поморских прибалтийских славян называлась «Русиния (Рутения)». Об этом сообщает житие Оттона Бамбергского, первокрестителя поморских славян.

С. Лесной. «Откуда ты, Русь?»

I

Славянское племя бодричей (ободритов) в IX веке проживало на Южном берегу Балтийского моря. На северо-западе оно граничило с Данией, а на западе – с германским племенем саксов. Между бодричами и саксами веками велись войны, удача склонялась то в одну, то в другую сторону. Но в 804 году Карл Великий покорил саксов и присоединил их к сво-

ей империи; теперь за ними стояла могучая Франкская держава, и бодричам все труднее и труднее было сдерживать натиск извечного врага. Но в тяжелые моменты на помощь спешили родственные славянские племена: поморяне, лютичи и поляне, выручали далекие новгородские словене. Новгородскую дружину приводил князь Гостомysl. Во время одного из походов взял он с собой дочь Умилу, которая вышла замуж за князя бодричей Годлава; у них родились три сына – Рерик, Синеус и Трубор.

В 808 году князь Годлав от купцов, бывших в те времена у всех народов добровольными разведчиками, получил известие, что саксы в союзе с датским королем Готфридом готовятся к набегу на землю бодричей. Он тотчас послал гонцов к старейшинам родов о присылке вооруженных отрядов, обратился с просьбой о помощи к поморянам, лютичам и полянам, к своему тестю – новгородскому князю Гостомыслу, а сам взялся за подготовку к отражению нападения германцев. В первую очередь надо было усилить крепостные сооружения племенной столицы Рерика. Часть горожан взялись углублять ров вокруг города, другие стали поправлять крепостную стену: стена с западной стороны совершенно прогнила и требовала замены.

Годлав сам руководил этой работой. Сначала растащили старые бревна и разбросали землю. Затем новый дубняк, обрубленный, ошкуренный, уложили рядом друг с другом, связали поперечными балками и завалили землей, которую

утрамбовали, а с внешней стороны завалили большими камнями. Подобным образом разместили второй ряд, но только бревна расположили поперек предыдущих. Так возводилась вся постройка, пока стены не достигали надлежащей высоты. Это сооружение имело довольно приятный и разнообразный вид, но, главное, было надежным укрытием, так как от огня защищалось камнями, а тараном невозможно было ни пробить стену, ни вытащить отдельные бревна.

Балтийские славяне в IX–X веках

Гостомысл во время одного из посещений племени бодричей рассказал, что восточные славяне строят городские стены по-иному. Они сначала изготавливают срубы, ставят их плотно друг к другу и засыпают землей. И тут же добавил, что хоть стены они воздвигают быстрее, чем бодричи, но получаются они не такими надежными: их легко поджечь, разбить тараном, а порой они сами разваливаются из-за ветхости. Так, однажды на его глазах вышел презабавный случай: во время обороны одного из городов бревна обвалились, и земля потекла в ров вместе с людьми и оборонительными машинами. Нападавшие подумали, что против них была применена какая-то хитрость, и в панике дали деру... Вместе с новгородцами посмеялись тогда бодричи над незадачливыми вояками, но все единодушно решили, что хоть и большего труда требует возведение стены поперечными рядами,

но она гораздо надежнее новгородской. Чтобы крепостное сооружение обвалилось само собой, такого просто быть не могло!

Когда оборонительные работы были в самом разгаре, в город вошел отряд Микелича. У Годлава упало сердце: и раньше старейшина не отличался качеством вооружения своих воинов, но на этот раз он, кажется, превзошел самого себя: из полутора сот человек только десяток красовались в кольчугах, остальные же носили кожаные доспехи, у многих были старые, побитые щиты и потрепанные шлемы.

Микелич, спотыкаясь на ровном месте, побежал к Годлаву, на ходу придерживая висевший на широком ремне прямой меч, с преувеличенной подобострастностью стал чашить словами:

– Так что мы очень спешили, князь, так спешили, что прибыли вовремя, а, кажется, даже опередили многих, стало быть, не зря старались-собирались...

– Явились-то вы, может, и первыми, – медленно растягивая слова и стараясь не показать, как заискивающее внимание старейшины претит ему, проговорил Годлав. – Да вот только вооружение-то у вас, прямо скажу, никудышное.

– А что поделаешь? Куда кинешься? Что ни год, то новая напасть на наш род: то в прошлое лето дожди поля затопили, а в этот год саранча налетела, голодными оставила.

– Ну ладно, ладно, – заметив оробелый, пришибленный взгляд старейшины, Годлав ощутил неоправданность своей

резкости: перед боем нельзя так вести себя с подчиненными. – Располагай свой отряд по домам и всех веди на возведение стены.

– Будет исполнено! Будет исполнено! – чересчур охотно и даже подобострастно проговорил Микелич и торопливо, вприпрыжку побежал к своим воинам.

Следом подошла сотня старейшины рода Сова. Вел ее сын старейшины Внислав. Высокий, широкоплечий, с властным выражением тонкого бледного лица, этот двадцатилетний парень всегда вызывал у князя уважительное и даже какое-то нежное чувство. Отряд его можно было не осматривать, воины были всегда хорошо вооружены и снабжены всем необходимым на несколько дней.

– Как отец? Поправилось ли его здоровье? – тая доброжелательную улыбку в краешках губ, спросил Годлав.

– Батюшка поднялся с постели, стал ходить, – не сводя с князя строгого взгляда нагловатых и красивых глаз, ответил Внислав. – Лекарь обещает поставить на ноги месяца через два.

– Очень хорошо. Мне очень не хватает этого мудрого старика. Ну а как супруга, разрешилась от бремени?

– Мальчик родился, – наконец расслабился Внислав, и широкая улыбка затопила его лицо. – И такой спокойный, спит и грудь сосет, сил набирает.

– Богатырем будет, – поддержал его князь. – Скоро рядом с тобой встанет в строй.

– Да уж наверняка! – радостно подтвердил Внислав.

Князь назначил ему самое ответственное место на крепостной стене, то, что выходило на луга: именно оттуда удобнее всего было нападать противнику, именно здесь происходили самые ожесточенные сражения.

Князь знал, что Внислав распорядится своим отрядом так, как надо, а потом... а потом отправится на поиски какой-нибудь любвеобильной вдовушки или приветливой молодушки и на время забудет и про свое войско, и войну, и про все на свете. Такой уж он был, этот стройный и красивый сын старейшины рода Совы!

Подходили другие роды. Наконец появилось войско племени варангов. Годлав со свитой выехал за городские ворота, чтобы встретить славных воинов, всегда являвшихся по первому зову бодричских князей.

Горька была судьба этого народа. Вели они свое происхождение от иллирийского племени вандалов. Веками насмерть бились с германскими полчищами, не раз одерживали победы. Но все же немцы изгнали их с родной земли, а столицу Старгород переименовали в Алдинбург. Часть варангов ушла во Францию и основала город Варангевилл. Иные отплыли в Англию, там воздвигли свой город Вэрингвик В Скандинавии они поселились вдоль залива, который местные жители называли Варангерфьорд. Многие, организовавшись в отряды, поступали на службу к правителям многих стран, охраняли крепости и города, сопровождали купе-

ческие караваны; на Руси их звали варягами, впоследствии варягами стали называть всех выходцев из Европы. Но большая часть варангов поселилась на земле бодричей, за столетие ослаблянилась, стала считать новые места своей родиной. Питая вековую ненависть к германским захватчикам, они бились с ними мужественно и беззаветно; можно было быть уверенным: там, где стояли варанги, путь немцам был надежно закрыт. Они порой погибали все, но врага не пропускали.

На сей раз вел войско варангов Стемид, пятидесятилетний сухонький мужичок с вислыми усами и хитрыми, прищуренными глазками. Его было невозможно ни обмануть, ни провести, казалось, он все видел, все заранее просчитал. Годлав любил привлекать бывалого человека на свои совещания, внимательно прислушивался к его подсказкам и часто им следовал.

Подъехав поближе, князь сошел с коня и пошел навстречу старейшине. Тот также молодецвато соскочил на землю. Они обнялись, некоторое время любовно смотрели друг другу в глаза.

– Не берут тебя годы, Стемид, – растроганно проговорил Годлав. – Каким молодцом был, таким и предстаешь перед моими очами!

– А ты мужаешь на глазах, князь. Истинный воин племени соколов!

Порасспросив про здоровье родных и близких, они сели

на коней и отправились в город, по пути обговаривая назревшие вопросы.

Но больше всех Годлава порадовал его дядя Дражко, старейшина рода Волков. Его сотня была облачена в кольчуги и панцири, шлемы покрыты бронзовыми пластинками, а щиты обиты листами железа. Каждый боец носил на ремне длинный обоюдоострый меч, в руках держал пику с металлическими наконечниками, а в сапогах торчали короткие ножи, незаменимые в рукопашных схватках. В таком снаряжении Дражко приводил свой отряд всегда, вызывая восторг у князя и зависть в других подразделениях. И – неудивительно! Живя на побережье, он имел свои корабли, успешно промышлял торговлей, его род был, пожалуй, самым богатым в племени и, ко всему прочему, он не жалел средств на обмундирование своих людей.

– Дядюшка, ты как всегда порадовал меня своими бойцами! – обнимая Дражко, растроганно говорил Годлав. – Твоя сотня неизменно лучшая в моем войске!

– Ась? Аль чего-то я не понял? – спросил дядя.

– В восхищении, говорю, я от твоих бойцов! Думаю, не у всех герцогов саксонских и франкских имеются подразделения, столь подготовленные к бою!

– Да ведь берегу я своих людей, – щуря свои хитроватые глаза, отвечал Дражко. – Если как следует воин вооружен, значит, и потерь в бою будет меньше.

– Как дома дела? Тетя здорова ли?

– Тетя, говоришь?

– Да. Как она себя чувствует?

– Да хорошо чувствует. Что с ней станется?

– Дети как? Подросли?

– Ты про детей, что ли, спрашиваешь?

– Да. Пятеро их у тебя, как я помню. Все живы-здоровы?

– Да уж выросли мои дети! Дочерей отдал замуж, а сыновья – вон они, сыновья! В строю стоят, неужто не узнаешь?

– Теперь вижу. Настоящие богатыри!

– Куда мою сотню поставишь, князь? – посерьезнев, спросил Дражко.

– Будешь защищать главную крепостную башню. Самый ответственный участок доверяю тебе, дядя.

– Не беспокойся, племянник. Никогда не подводил. Будешь доволен и на этот раз.

– Папа, – спросил десятилетний сын Рерик, когда Дражко ушел к своему отряду, – а почему дядя Дражко все время переспрашивает? Он что, глухой?

– Нет, – усмехнувшись, ответил Годлав. – Просто он очень хитрый человек. Да к тому же еще торгаш. Знаешь, как жаростно торгуются на рынке? А у дяди Дражко другое правило: он притворяется глухим и все время переспрашивает, а в это время обдумывает, соглашаться или не соглашаться с предложенной ценой?.. Всю жизнь в торговле, вот и привычка стала неистребимой. Надо не надо, а он все равно представляется тугим на ухо.

– Но меня такая его привычка разговаривать сильно раздражает...

– Кому она может понравиться! Но приходится мириться, потому что человек он умный, хитрый и изворотливый и в моем княжеском деле очень полезный дельными и неожиданными советами. Если так сложится судьба, что придется обратиться к нему за помощью, доверяй безраздельно, слушай его вразумления, цени его подсказку, следуй его указаниям.

Годлав проследил за размещением отряда Дражко. Теперь надо было ждать прихода лютичей и поморян. Годлав намеревался совместно с ними нанести дар по саксам. Это был его любимый прием: не ждать появления врага, а упредить его действия неожиданным ударом. Тем самым он застигал противника врасплох, когда тот был уверен в своей безопасности, поэтому беспечен. После разгрома саксов князь собирался тотчас направиться против данов; зная жестокий, но трусливый характер короля Готфрида, он был уверен, что тот постарается избежать решительного сражения и откажется от нападения на земли бодричей.

Но прискакали гонцы от лютичей и поморян и сообщили, что оба эти славянских племени чего-то не поделили и вот уже вторую неделю воюют между собой, и конца-края не видно этой войне. Горько было сознавать, что между славянскими племенами все чаще и чаще происходили кровавые разборки, кому считаться первым и руководить остальными.

А ведь не так давно, двести-триста лет назад, все они составляли единую семью – страну под названием Русиния, все называли себя русинами. Они собирались на единое вече, избирали себе великого князя, который и решал все спорные вопросы, судил и рядил по русским законам. Русиния тогда была такой могучей державой, что никто из соседей даже не пытался напасть на нее; наоборот, она диктовала свои условия соседним племенам. Неужели безвозвратно ушло то время, неужели славяне останутся разрозненными и тем самым окажутся легкой добычей для своих кровожадных соседей?..

Это был страшный удар. Бодричи оставались один на один с объединенными силами саксов и датчан. О предупредительном ударе нечего было и думать, теперь надо было беспокоиться только о том, чтобы отстоять стольный город княжества – крепость Рерик.

На его укрепление были брошены все наличные силы. Годлав обходил крепость и видел, как люди, словно муравьи, копали ров и выравнивали его края, как менялись старые бревна на новые в стенах и башнях, подправлялся вал перед стенами. Из леса бочками везли на телегах смолу, прилаживали на стенах; там же устанавливались котлы, чтобы вылить их содержимое на головы противника. Сквозь гул голосов и шум работ пробивались четкие звуки ударов десятка молотов о наковальни – то ковали оружие кузнецы. Народ вздыбился в едином порыве отстоять свое право на существование.

В нашествии участвовали даны. Даны – отличные мореходы, датские викинги бороздили моря и океаны, вместе со скандинавами наводили ужас на половину Европы, у них был отличный флот, значит, наверняка надо ожидать нападения на город со стороны моря. Даже нечего думать о том, чтобы ввязаться с ними в морской бой, слишком мало военных судов у бодричей. Надо надежно прикрыть город со стороны моря системой оборонительных мер, не допустить высадки десанта и удара со стороны пристани. Этим заниматься Годлав поручил Келагасту, старому морскому волку, избородившему морские просторы, охраняя купцов от нападений пиратов, викингов и прочих разбойников.

Наконец разведчики сообщили, что передовые части саксов перешли границу и продвигаются в сторону Рерика. Ремонтные работы были в основном закончены, и Годлав приказал сжечь посады, затворить крепостные ворота, всем втянуться в город. Запасов пищи было достаточно, вода в колодцах была неиссякаемой, так что город мог выдержать длительную осаду. А там, боги дадут, и лютичи с поморянами замирятся и придут на помощь; может, и старый Гостомysl решится на новый поход, хотя в это Годлав мало верил: слишком слаб и немощен тот был во время их последней встречи, да и путь новгородцам предстоял неблизкий – более месяца потребуется, чтобы дойти скорым походным шагом.

Годлав решил обойти крепостные сооружения и посмотреть на настроение защитников. По опыту он знал, как важен

их боевой настрой накануне решающего сражения, а в том, что оно будет нелегким, он нисколько не сомневался.

С собой он взял старшего сына, десятилетнего Рерика, двое младших – трехлетний Синеус и пятилетний Трубор сидели с матерью. Рерик был одет в легкий панцирь, опоясан боевым мечом, на голове его красовался плоский шлем с пушистыми перьями диковинной заморской птицы, а через плечо перекинут белый шелковый плащ, отороченный золотой каймой. Лицом отец и сын были чрезвычайно похожи: у обоих длинные горбатые носы, большие выпуклые совиные глаза; у Годлава на верхней губе фарсовито вилась тонкая ленточка усов.

За ними шел старший охотник. На его правой руке, затянутой в толстую перчатку, сидел сокол-сапсан. Спина сокола была аспидно-серого цвета, усеяна темными треугольными пятнами, грудь и брюшко – глинисто-желтые; перья крыльев отливали глянцево-черным оттенком и тоже были покрыты пятнами. Клюв хищника был коротким, выгнутым, кончик загнут крючком; взгляд круглых глаз смел и безжалостен.

Отец и сын вышли из терема. Июньское солнце стояло в зените, на шпиле крепостной башни колыхалось цветное полотнище, на котором четко рисовался стремительно несущийся сокол.

– Посмотри еще раз на наш племенной знак, сын, – проговорил Годлав. – Никогда не забывай, что по-старинному «рерик» означает «сокол». Это самая смелая и мужествен-

ная птица. Таким из века в век и было наше племя бодричей – племя соколов. Имя сокола носит наша столица. И тебя величают Рериком, значит, должен быть ты человеком неустрашимым и отважным!

– Я постараюсь быть таким, отец, – посерьезнев, ответил Рерик¹.

По лестнице они поднялись на стену и пошли по широкому помосту. С наружной стороны был сооружен забор из широких и толстых досок, за которыми могли укрываться защитники города от стрел и камней неприятеля; между досок были устроены частые бойницы, через них можно было поражать врага. На стене кипела дружная работа: подвозились и укладывались в кучи камни и булыжники, прилаживались к стрельбе камнеметы, катапульты; на особых приспособлениях подвешивались котлы, тут же рядом лежали камни; в деревянных ведрах и кадлушках находилась застывшая янтарного цвета смола, в больших котлах налита вода – все это было готово для кипячения.

...Всеми защитниками владело какое-то лихорадочное возбуждение, как видно, вызванное и приближением противника, и нарастанием опасности. Все знали, что предстоит схватка, что у каждого сложится судьба по-своему, может, не каждому удастся уцелеть, но все испытывали прилив неум-

---

¹ Геральдический знак своего племени бодричей Рюрик принес на Русь. В стилизованном виде пикирующий сокол – «тризуб» сохранился и сейчас в украинской символике.

ного веселья, легко отзывались на шутки и сами охотно шутили.

– А что, княжич, не страшит тебя неприятель? – спрашивал Рерика здоровенный воин по имени Светозар, поигрывающая огромной булавой. В сражения он всегда ходил без шлема и панциря, прикрываясь только звериной шкурой; бился в первых рядах и каким-то чудом выходил из сражений целым и невредимым. Сейчас он, сверкая белозубой улыбкой, влюбленно смотрел на княжича и явно хотел его позабавить и удивить своей силой.

– Саксы не раз приходили на нашу землю и получали достойный отпор! – выпячивая грудь вперед, ответил Рерик.

Окружавшие воины одобрительно засмеялись, а Светозар, указывая на одного из защитников, проговорил со смехом:

– А вот Оляпкой, как видно, овладела медвежья болезнь. Не успевает за ним дверца нужника закрыться, как он снова бежит в него!

– Съел я чего-то в завтрак, вот и гоняет, – оправдывался тот под дружный хохот.

– А что, братцы, все ли заготовлено для отражения неприятеля? – спросил Годлав, не убирая со своих тонких губ улыбку: уж больно по душе ему пришлось настроение его воинов!

– Все занесли. Уложено честь по чести! Встретим как надо врага! – со всех сторон слышались голоса.

Князь двинулся дальше. На пути ему встретились отды- хавшие на вязанках хвороста мальчики примерно одних лет с Рериком. При виде княжича они соскочили со своих мест и окружили его со всех сторон; некоторые трогали за плащ, другие за панцирь, а один самый бойкий взял в руки конец меча и спрашивал, недоверчиво кривя губы:

– Это что же – взаправдашний?

– Конечно, самый настоящий меч, – отвечал Рерик.

– А почему он такой маленький?

– Я тоже несильно вырос.

– Тоже мне! Может, у меня дома побольше твоего меч ле- жит...

– А чего же тогда с собой не взял?

– Так он – тяткин!

Все засмеялись, а Годлав стал раздавать ребятишкам ме- довые пряники. Он знал, что они несколько дней подряд тас- кали хворост из ближайшего леса, таскали не жалея сил, над- рываясь на непосильной работе, и что скоро эти вязанки по- надобятся при обороне города.

Годлав вместе с сыном обошел всю стену, со многими за- щитниками поговорил, с другими перемолвился нескольки- ми фразами и чувствовал все более и более всеобщую объ- единенность сотен и тысяч людей перед лицом общей опас- ности, и он верил, что все они – от мала до велика – встретят эту опасность стойко и мужественно и что сам тесно связан с ними, надолго и прочно.

После обеда во весь дух примчались дозорные: в лесу показались отряды саксов! Все молча и напряженно всматривались в дорогу, ведущую на северо-запад, именно оттуда обычно заявлялось войско германцев. И – точно. Из чащи поодиночке стали выныривать легковооруженные всадники. По всей видимости, это был дозор противника. Саксы сидели на низкорослых лошадях германской породы; неказистые с виду, они были крайне неприхотливы и выносливы в походах, славяне часто закупали и использовали их в военных действиях.

Всадники числом около полусотни выехали на луг и остановились оглядываясь. Затем осторожно, медленно рассредоточились и направились к крепости. Годлав рассмотрел их вооружение. На воинах были кожаные защитные куртки, наверняка подшитые металлическими пластинками; на левом боку висели короткие прямые мечи, в левой руке они держали маленькие прямоугольные щиты, в правой – пики. Головы их были непокрытыми, и длинные волосы развевались на ветру.

Саксы приблизились на безопасное расстояние к крепости и стали разглядывать ее. Защитники молча рассматривали врагов. Стояла тишина, даже слышно было, как в лесу перекликались встревоженные сороки.

И вдруг из леса выехали три телеги, каждая из которых была запряжена парой лошадей. На телегах размещались какие-то механизмы, скрытые под набросанными на них шку-

рами животных. Телеги сопровождалась двумя десятками пеших воинов. Опытным взглядом князь определил, что под шкурами были скрыты машины, метавшие на большое расстояние жерди с железными наконечниками, ими саксы легко пробивали заборы над крепостными стенами и наносили большой урон защитникам. Он наклонился к сыну.

– Рерик, видишь эти повозки?

Рерик, зоркими совиными глазами рассматривая скопление телег, ответил резким дискантом:

– Вижу, отец. Это против нас привезли орудия-вороги?

– А что это за орудия, по-твоему?

Мальчик наморщил лоб, на мгновение задумавшись, ответил:

– Думаю, будут стрелять копьями!

– Почему так считаешь?

– Длинные очень. Те, что бросают камни, покорооче будут.

Годлав удовлетворенно кивнул головой:

– Правильно мыслишь, сын. Будут бросать пики, но только из заостренных жердей.

– А почему они следом за разведчиками выехали, папа?

– Я сам над этим думаю, – медленно ответил князь. Действительно, все осадные орудия в любом войске двигаются где-нибудь сзади, в крайнем случае, в середине колонны. Как эти три телеги оказались в передовом отряде и с какой целью, совершенно непонятно. Может, саксы замыслили какую-то каверзу, и в этом неожиданном шаге таится какое-то ковар-

ство?

Годлав оглядел окрестности, надеясь найти какой-нибудь признак, по которому можно было бы раскрыть замысел противника. Но ничего подозрительного не заметил. Перед крепостью крутились на лошадях разведчики неприятеля, да стояли эти три злополучных военных орудия, неведь зачем оказавшиеся вблизи крепостных стен...

И тут князя осенило: это та безалаберность, которую порождает каждая война, когда по каким-то неведомым причинам путаются военные планы и проигрываются сражения, когда перемешиваются подразделения войск, когда на пустом месте возникает неразбериха во вроде бы отлаженном военном хозяйстве. Вот как, видно, все произошло сейчас: наверняка ездовые где-то отстали или заблудились, проселочными дорогами решили сократить путь, спешили, гнали лошадей и нечаянно оказались прямо перед городом Рериком. И теперь стоят в растерянности, не зная, что предпринять. Этим промахом противника нельзя не воспользоваться!

– Саксы допустили ошибку, и мы их за это накажем! – быстро проговорил Годлав сыну и подозвал начальника конного отряда.

– Бери две сотни и немедленно ударь по противнику! Да захвати факелы, чтобы сжечь орудия!

Тот молча кивнул и быстро сбежал по лестнице. Плышались команды, всадники вскочили на коней. В это время

был спущен мост через ров, открылись крепостные ворота, на простор вырвалась лава конницы и стремительно помчалась на противника.

При появлении всадников саксы стали заворачивать коней и проворно направились к лесу. Но и возницы телег начали повертывать телеги, они торопились, а повозки сцепились оглоблями и колесами и загородили въезд в лес. Тогда конники кинулись в чащу и тотчас наткнулись на засеку, которая была устроена в незапамятные времена против внезапных нападений противника: срубленные на высоте человеческого роста, поваленные деревья перепутались стволами и ветвями и через них не только конный, но и пеший воин не мог пробраться. Всадники стали метаться из стороны в сторону. Общую сумятицу усугубила прислуга орудий, беспомощно пытавшаяся растащить телеги. Тут их и застала конница бодричей. Послышался боевой клич:

– Со-ко-лы-и-и-и!

Всадники налетели на врагов, и началась страшная рубка. Защитники крепости видели, как сбились в кучу всадники, засверкали на солнце мечи, донесся звон металла, яростные крики, конское ржание...

Схватка закончилась так же быстро, как и началась. Большая часть саксов была изрублена, немногие сумели скрыться в лесу, по лугу носились кони, потерявшие своих седоков. От факелов задымились повозки, скоро пламя охватило их со всех сторон, сухое дерево горело высоким ярким пламенем.

И тогда на стенах началось ликование. Все понимали, что это была всего-навсего маленькая победа, но она вселила в сердца надежду на счастливую оборону: раз началось с успеха, значит, и завершение станет удачным! Некоторые не выдержали, выскочили за ворота, кидались к конникам, обнимали их, шли рядом с их стременами.

Разбежавшихся коней без седоков повылавливали и загнали в крепость, ворота были затворены и заперты, мост поднят.

Часа полтора перед крепостью было тихо и безлюдно. Но вот из леса стали выезжать конники, их становилось все больше и больше, они постепенно окружали крепостные стены со всех сторон. За конницей начали выходить пешие войска, выезжали телеги с осадными орудиями, а также груженные различной поклажей. Прибывшие неторопливо, поделовому стали располагаться на лугу: распрягали лошадей и пускали их кормиться травой, разгружали привезенные припасы, ставили палатки из кожи, возводили шалаши. Скоро большая часть неприятельских воинов выдвинулась к крепости и на расстоянии чуть больше полета стрелы стала копать ров и возводить вал. В лесу застучали топоры, враги тащили бревна и ставили их наверху вала заостренными концами вверх. Вокруг города воздвигались осадные сооружения. Защитники с мрачным видом следили за всеми приготовлениями неприятеля.

– Папа, гляди, гляди! Сколько на море кораблей появи-

лось! – вдруг закричал Рерик.

Годлав обернулся. С высоты главной крепостной башни, на которой они стояли, было видно, как по краю горизонта медленно растекалась масса сереньких точек. Это могли быть только военные корабли датского короля Готфрида.

– Ничего, сын. У нас достаточно войска, чтобы отразить морских разбойников, – спокойно ответил князь. – Главное, уверенность и выдержка. Тогда можно так умело расположить наших воинов, что они отразят любое нападение противника.

Однако на сердце князя скребли кошки: такая сила подвалила к стольному городу Рерику какой он никогда не видел. Видно, враги замыслили не простой грабительский набег, а имеют более серьезные намерения. Как видно, племени бодричей грозит смертельная опасность...

На другой день строительство осадных сооружений продолжилось с еще большим рвением. Кроме того, перед валом были выставлены орудия, которые начали стрелять по городу просмоленными головешками и дротиками с привязанной к ним зажженной паклей. «Фррр!» – со зловещим шуршанием пролетали они над головой, оставляя за собой грязновато-дымчатый след, и Рерик невольно пригибал голову. Потом заметил, что отец, дядя и другие воины, стоявшие на башне, вели себя так, будто никаких стрел и дротиков не было и в помине, и он устыдился своей слабости и, напрягая все силы, старался не обращать на них никакого внимания.

Он видел, как то в одном, то в другом концах города вспыхивали пожары, деревянные здания были хорошей пищей для огня. Но тотчас к местам возгорания кидались женщины, дети, старики и все те, кто не стоял на крепостной стене. Они скидывали с домов и теремов головешки и дровишки, лили воду, тушили пламя. Тотчас образовывались цепочки людей, по которым от колодцев передавались ведра с водой. Рерик видел, какого труда и напряжения требовалось от жителей города: едва удавалось затушить огонь в одном месте, как пожар возникал в другом, третьем, пятом. Люди металась от одного возгорания к другому, спасая дома и имущество от уничтожения.

– Что наши орудия молчат? – недовольно проговорил Годлав. – Опять что-нибудь не так?

И как бы в ответ на его слова со стен крепости во вражеские установки полетели камни, длинные копья. Послышались глухие удары, в разные стороны полетели щепки, падали пораженные вражеские воины. Им на смену подбегали другие, устраняли повреждения, наводили орудия, стреляли.

Неприятель выдвинул новые механизмы, они стали метать куски породы, которые с грохотом ударялись в крепостные стены, скатывались в ров, некоторые попадали в ограждения, за которыми укрывались защитники крепости; некоторые из них падали замертво, другие с криком катились по помосту, хватаясь за рваные раны...

С моря подошло несколько кораблей и тоже стали стре-

лять по крепости дротиками и камнями. Защитники в ответ послали сотни пик, обмотанных горячей паклей; они глубоко врезались в корпуса судов, и скоро многие из них пылали ярким пламенем. Было видно, как матросы бросались в воду, вплавь спасались от гибели. Остальные суда ушли во свояси. Бодричи торжествовали победу.

На третий день осады к воротам крепости двинулись навьюченные мешками кони, нагруженные землей повозки; прикрываясь щитами, с вязанками хвороста, бежали воины; все это скидывалось в ров. Защитники поражали врага стрелами и дротиками, образовывались груды трупов лошадей и людей, но движение продолжалось, пока ров не был заполнен до краев.

Тогда к воротам крепости двинулся таран. На специальной раме был подвешен срубленный и заостренный дуб; грубо сколоченные колеса глубоко врезались в землю. Таран толкали десятки воинов, их прикрывала деревянная крыша, на которую были накинута мокрые шкуры.

Годлав, едва увидев выходящий из ворот частокола таран, тотчас стал отдавать приказания:

– Смолу! Котлы со смолой немедленно!

На веревках были быстро подняты черные от дыма костров котлы, и несколько воинов на жердях понесли их к краю башни; Рерику в нос ударил едкий запах смолы, он закашлялся и отвернулся. К нему повернул чумазое лицо один из воинов, весело крикнул, блеснув белыми зубами:

– Что, княжич, не по вкусу пришлось наше варево?

Котел установили у самого края башни, начали ждать приближения тарана. Вот он медленно дополз до рва. Рерик надеялся, что колеса громоздкой махины утонут в рыхлой земле, набросанной в ров. Но, видно, вражеские воины под наветом запаслись толстыми досками, которые настелили под них, и таран продолжал двигаться, пока не уперся в ворота.

– Лейте смолу! – громким голосом приказал Годлав.

Желтовато-темная жидкая масса низверглась на крышу тарана, но тут же стекла по мокрым шкурам, не причинив вреда, земля вокруг тарана задымила, зачатила, кое-где побежали веселые огоньки пламени; из-под крыши раздались крики, видно, брызги смолы попали на некоторых воинов. Но таран остался нетронутым. Сверху было видно, как концы бревна стали раскачиваться, сначала медленно, затем все быстрее и быстрее, и вот первый удар потряс окованную железом дверь; она задрожала, но выстояла. Удары продолжались вновь и вновь, и Рерик чувствовал, как от ударов мелко-мелко начала дрожать вся башня.

По приказу Годлава воины сбрасывали обмотанные просмоленной паклей дротики и пики, обрушивали огромные камни, но крыша тарана осталась нетронутой, будто заколдованная. А удары следовали один за другим; вот уже прибежал воин снизу и доложил, что дверь стала поддаваться, одна из петель дала трещину и долго не продержится. Тогда князь распорядился заложить проезд в башне заранее при-

готовленными бревнами и кирпичами.

На другой день с утра в лагере противника стало наблюдаться необычное оживление. С восходом солнца запылали костры, на них готовили пищу. Вокруг костров стали собираться воины в полном облачении и при оружии; наблюдатели заметили, что из леса неприятель стал выносить длинные лестницы.

– Надо ждать приступа, – уверенно сказал Дражко, и князь согласился с ним. Защитникам понесся приказ готовиться отразить неприятеля, но на стенах и без того заметили приготовления врага и изготовились к бою.

И вот по всему протяжению неприятельского лагеря начались перестроения. Вперед вышли стрелки и направились к крепостной стене. Они выстроились в несколько линий, прикрылись щитами и начали обстрел защитников. Вражеские воины на мгновение приоткрывали щиты и, выпустив стрелы, тотчас прятались за них. Со стен летели стрелы, дротики, копья, кого-то выбивали из строя, но усиленный обстрел крепости продолжался; стрелы летели плотно, невозможно было высунуть носа из-за ограждения, появились первые раненые и убитые. Полетели через головы защитников огненные снаряды, в городе запылали пожары; дым стелился над городом и лениво уплывал в сторону моря; гулко бил таран в железную башенную дверь.

Рерик видел, как отец, дядя и другие на башне с трудом сохраняют спокойствие, но заметно было, как волнение

все больше и больше охватывало их: вот отец машинально несколько раз разгладил тонкие усы, вот дядя вынул наполовину и вновь задвинул в ножны свой меч, иные тоже делали какие-то произвольные движения.

Наконец к городу кинулись штурмующие подразделения. Вражеские воины ловко и быстро стали приставлять лестницы к стене и карабкаться наверх. И тут возбуждение охватило защитников. Они уже не прятались за ограждение, а становились открыто в пространстве бойниц и орудовали кто как мог: кто-то баграми сталкивал лестницы со стены, другие лили на головы врагов кипяток и смолу, иные, перевернувшись через край, в упор расстреливали их из луков. Никто уже не думал о своей безопасности, у всех было одно стремление – не допустить вражеских бойцов в город и любыми путями и средствами уничтожить их!

Рерик, прижавшись к задней кромке башенного зубца, с трепетом наблюдал, как стремительно пролетали над ним камни, стрелы и дротики, слышал доносившийся снизу рев разъяренной толпы, крики и стоны, звон металла, и все эти звуки периодически перекрывались грохотом таранного бревна.

У передних зубцов башни плотно стояли воины; они наклонялись и работали руками так, будто на реке пробивали прорубь, ухали, охали, выкрикивали крепкие словца, подбадривали друг друга. Иногда некоторые из них падали на помост, отползали в сторону, морщась или крича от боли,

а другие оставались лежать неподвижными, их за руки-ноги уносили по лестнице вниз. Все это Рерику было и интересно, и страшно одновременно, он следил за всем, стараясь не упустить ничего из виду.

Ряды защитников редели.

Внезапно над краем башни появилось бородатое лицо сакса с дико вытаращенными глазами. И тут же Годлав с внезапно потемневшими глазами, как-то странно вытягиваясь, вдруг рванулся к противнику, стремительно взмахнул мечом – голова вражеского воина отделилась от туловища и покатила по помосту. Рерик, боясь пошевелиться, замороженно смотрел на нее, замечая, как тускнеют широко открытые глаза, а из среза мяса вытекает глянцево блестящая на солнце темно-красная кровь...

Отец со странно неподвижным лицом повернулся к Рерику, его круглые глаза непонимающе уставились на сына, потом он вдруг закричал срывающимся голосом:

– Что здесь делает дитя? Почему он здесь оказался? (Как будто не сам привел его на башню ранним утром!) Убрать немедленно!

Рерика подхватили дюжие руки воинов и потащили вниз. Он был настолько поражен всем виденным, что не сопротивлялся и молча и покорно дал упрятать себя в каком-то закутке крепостной стены.

Годлав между тем, чувствуя во всем теле дрожь возбуждения и все еще судорожно сжимая в руке меч, осматривал

крепостные стены, стараясь определить, как идет сражение, не сумели ли где-нибудь прорваться вражеские воины на стену. Но защитники стояли твердо. Он бросил взгляд на город. В трех или четырех местах полыхали пожары. Что горело – дома ли горожан или терема бояр или купцов – разбираться было некогда; заметил только, что там бегали люди, значит, можно рассчитывать, что распространения огня на весь город не допустят.

С разных участков обороны прибежали бойцы, сообщали, как складывались дела. Как он и ожидал, не выдержал отряд Микелича. Опытным взглядом заметил Годлав там какое-то замешательство, еще непонятно было, что произошло, еще не показались на помосте вражеские воины, но, чувствуя недоброе, он слетел по лестнице к сидевшей вдоль стены княжеской дружине, выдохнул:

– За мной! Мечи к бою!

И – точно: навстречу, выпучив бессмысленные, разверстые ужасом, незрячие глаза, бежало несколько человек, не слыша криков князя. Он не стал их останавливать, чтобы не терять времени, а по лестнице выскочил на помост: здесь увидел несколько саксов, теснивших защитников, освободивших место для лезущих снизу все новых и новых вражеских воинов.

– Эх, я вас! – не удержался он от восклицания и полоснул мечом первого попавшего. Тот рухнул без звука, успев схватить судорожным движением отваливающегося плечо.

Мимо пробежали его дружинники, оттеснили от противника; началась молчаливая свирепая рубка, прерываемая иногда глухими выдохами, хрустом разрубаемых костей. Помост быстро был очищен от врагов, тела сброшены вниз.

– А где Микелич? – спросил Годлав.

– Погиб Микелич, – эхом ответил кто-то. – Вон там мы его положили.

И князь увидел старейшину. Тот лежал возле расщепленного деревянного заграждения, свернувшись калачиком; в груди у него торчала стрела, она пробила тонкую, изношенную кольчужку напротив сердца; смерть, как видно, наступила мгновенно, на лице убитого было выражение легкого удивления и успокоения одновременно.

«Погиб из-за своей скаредности и прижимистости, – невольно подумал Годлав. – Вечно он на всем выгадывал, сородичей во всем ущемлял, копил богатства. Зачем они теперь ему?»

И почему-то стало неловко и даже стыдно за те недоброжелательные слова, которыми он встретил Микелича с отрядом; надо было не тогда корить, а раньше приехать к нему в родовое поместье и потребовать получше вооружить своих воинов...

С тяжелым чувством Годлав вернулся на главную крепостную башню.

– Ну что, князь, кажется выстояли? – встретил его Дрячко, поблескивая веселыми глазами. – Натиск слабеет, кое-

где противник отступил. Скоро отхлынет повсюду.

– Ты так думаешь? – отстраненно ответил Годлав и пошел к краю башни. Поле боя было как на ладони. Действительно, саксы и даны поспешно бежали к своему лагерю, сопровождаемые победными криками защитников. Возле стены лежали кучи трупов, разломанные лестницы, пронеслись невесомо как оказавшиеся здесь оседланные лошади.

Князь устало спустился прямо на помост.

– Дядя, посмотри на город, много пожаров?

– Да нет, всего два осталось. Но там копошатся люди, думаю, справятся.

– Слава богам. – Годлав сделал какое-то неопределенное движение руками. Потом собрался, тяжело встал, произнес: – Пусть объявят неприятелю, что можно убрать раненых и убитых. Да и нам надо заняться тем же самым...

Отступая, вражеские воины пытались отвезти назад таран, однако его колеса соскользнули с досок и глубоко увязли в рыхлой земле; охрана ушла, а следом разбежалась и прислуга. Тогда Годлав приказал открыть ворота, таран облили смолой и подожгли. Долго он дымил, распространяя вокруг горький, едкий дым.

Три дня враг отдыхал и собирался с силами. На четвертый день все повторилось в той же последовательности: сначала к крепости подошли лучники и начали засыпать ее защитников тучей стрел, а потом по лестницам полезли штурмующие. Но на сей раз к ним прибавились морские суда. Первый

ряд их высадил несколько отрядов на пристани, где и завязалось ожесточенное сражение; второй ряд забрасывал стены и город камнями и горящими пиками. Защитники в ответ посылали огненные снаряды, и вот уже многие корабли запылали. Но врагам удалось захватить пристань, и они стали карабкаться по крутому берегу к крепостной стене. И в этот момент Годлав бросил против них свою дружину. С копившимися днями свирепостью и яростью дружинники по крутой обрывистой круче свалились на головы разрозненных данов и в короткой схватке уничтожили большинство их; лишь немногие успели спастись на кораблях, которые поспешили уплыть в море.

Это произошло так быстро, что противник не успел воспользоваться отвлечением сил на морском побережье и ударить усиленными подразделениями с суши. Годлав торжествовал победу.

– Еще одна такая победа, – возбужденно говорил он окружившим его старейшинам, – и враг уйдет от наших стен. Ему просто нечем будет воевать.

– Надо только поймать такой момент и умело им воспользоваться, – поддержал его Дражко.

Приступ между тем продолжался. Дважды приходилось бросать дружинников в опасные места и сбрасывать вражеских воинов со стены. Наконец натиск ослаб, противник стал выдыхаться.

– Смотри, князь, сейчас враг побежит от стены. Хорошо

бы взять тебе конницу и ударить по ослабевшему, усталому врагу! Вихрем пронестись по лугу, редко кому удастся спастись за частоколом! – загорелся Дражко.

– Ты прав, дядя! – глаза Годлава лихорадочно блестели, он чувствовал, как жар из груди бросился в голову. – Прикажу своим дружинникам садиться на коней, а ты вели в нужный момент открыть ворота!

Он понял, что настал решающий момент сражения, тот момент, который может решить исход всей войны. Нечасто они, такие выгодные ситуации, возникают в ходе войны, и умелое использование дает решительную и быструю победу; не использовать их, значит совершить преступление перед своим войском и народом, а возможно, и проиграть всю кампанию.

И через некоторое время защитники увидели волнующую картину: на быстроногих откормленных конях выскочили из ворот княжеские дружинники, красиво развевались за плечами у них короткие разноцветные плащи, а спереди на белом скакуне скакал князь Годлав; пригнувшись к холке коня, он врезался в толпу бегущих врагов и наносил молниеносные удары направо и налево. Следом за ним рубились дружинники. Со стен раздавались радостные крики, люди махали руками, одеждой, потрясали оружием.

И вдруг из-за частокола начала вываливаться лавина вражеской конницы; масса всадников, растекаясь по полю, стала отрезать княжескую дружину от крепостных ворот. Был

момент, когда бодричам можно было еще остановиться и проскользнуть обратно в крепость, но князь был слишком увлечен преследованием бегущего противника и вовремя не заметил опасности. Уже многие дружинники, увидев пагубность своего положения, заворачивали своих коней, на ходу крича князю, а он продолжал гоняться по полю за легкой добычей. Защитники молча, с замиранием сердца следили за действиями своего отчаянного князя.

Наконец он остановился. Трудно сказать, что заставило его это сделать. То ли увидел вражескую конницу, то ли сработало чутье воина, предупреждающее об опасности. Он мельком огляделся и понял все. Со своей дружиной он оказался в ловушке, из которой не было выхода. Оставалось либо сдаться, либо вступить в последнее сражение. Годлав решил биться. Он крикнул, чтобы воины примкнули к нему, ударил пятками в бока скакуна и рванулся в гущу неприятельской конницы...

С высоты крепостной стены было видно, как вокруг князя все закружилось, закрутилось, завертелось в диком хороводе, засверкали мечи, послышался звон оружия, крики... Потом вся конная и людская масса двинулась в сторону вражеского лагеря; различить в ней, кто из дружинников остался жив, цел ли князь, было невозможно. На стене среди защитников стоял Рерик. Прижав кулачки к губам, он молча, исподлобья следил за всем происходящим на поле брани, из его немигающих глаз текли медленные слезы.

Потянулись долгие минуты. Люди всматривались во вражеский лагерь, надеясь разглядеть и понять, что там происходит. Наконец, из ворот частокола выехал на черном скакуне король Дании Готфрид, вокруг – его свита; следом Ходо, кениг саксов, а далее воины на конях, знатные вельможи как саксонские, так и датские. За ними на некотором расстоянии на веревках четверо воинов вели князя Годлава; даже издали было видно, что он сильно пострадал во время схватки: одежда на нем была разодрана, по лицу струилась кровь. Несмотря на ранения, князь держался мужественно: ступал твердо, голову нес высоко.

Его подвели к частоколу, веревки перекинули через зубцы бревен, а затем подтянули к самому их верху. Защитники горестно ахнули: их князь висел на виду всех, распятый на вражеском укреплении. Готфрид поскакал на безопасное расстояние к крепостной стене города, подбоченясь, стал кричать:

– Слушайте меня, короля данов Готфрида! Мы пленили вашего государя! Вот он, перед вами! Его судьба зависит только от вас! Если вы сдадитесь на милость победителей, откроете крепостные ворота и впустите мои войска, князя я помилую и верну вам живым и здоровым, в этом мое королевское слово! А если откажетесь, он будет расстрелян на ваших глазах!

Защитники подавленно молчали. Рерик терся лицом о бок дяди Дражко, просил жалобным голосом:

– Дядюшка Дражко, дядюшка Дражко, ну сделайте что-нибудь, освободите папу! Прошу вас, дядечка, сделайте что-нибудь!

В этот момент Годлав вдруг напрягся и крикнул что есть силы:

– Слушайте меня, мои соплеменники и мои верные воины! Не слушайте короля, он обманет! Бейтесь до конца с проклятыми захватчиками! Стойте мужественно, а обо мне не беспокойтесь! Я рад отдать свою жизнь за вас!

Готфрид резко развернул коня, крикнул:

– Заткните ему пасть!

Даны кинулись к князю, всунули ему в рот кляп.

На верхней площадке главной башни крепости собрался совет всех старейшин племени, присутствовал и начальник войска варангов Стемид. Все стояли хмурые, повесив головы.

– Что будем делать, братья, как будем поступать в такой тяжелой обстановке? – спросил старец Мечислав, избранный вечем Рерика посадником города.

– Надо бы старшего избрать, чтобы руководил нами, – произнес Дражко после некоторого молчания. – Нельзя нам без князя...

– Ты что же это – при живом-то князе хочешь избрать нового князя? – возмутился Внислав.

Все зашумели, высказывая возмущение словами Дражко:

– Ась, что ты сказал?

– Нет, что ты сказал? И нечего притворяться глухим!

– Я не предлагал выбирать нового князя...

– Как не предлагал? Вот только что при всех высказался, все слышали!

– Не будем пререкаться, – вмешался Мечислав. – Ссора до добра никогда не доводила. Тем более сейчас нам надо быть как никогда сплоченными и едиными. Мне представляется, что войско нельзя оставлять без полководца, это чревато тяжелыми последствиями. Поэтому на время отсутствия князя мы должны избрать себе военного руководителя. И на это место больше всех других подходит двоюродный брат Годлава, всеми уважаемый Дражко. Может, кто по-иному думает, другого человека предложит?

Но все стали кивать в знак согласия.

– Теперь давайте решать, как отвечать на предложение короля Готфрида...

Военачальники заволновались. Беда свалилась внезапно и внесла сумятицу в умы. Поэтому и предложения стали поступать самые неожиданные:

– Надо сделать внезапную вылазку и спасти нашего князя! – решительно заявил Внислав.

– Глупости говоришь! – тотчас возразил Дражко. – Только мы отворим ворота, как саксы расстреляют Годлава, и мы не сумеем помешать!

– Тогда может предложить поменять на пленных?

– Сколько их у нас? Десяток? Да и кто такие? Простые

воины, ни одного знатного дана или сакса нет.

– Так как же быть? Неужели придется сдаваться? – спросил один из старейшин.

Повисло долгое молчание. Наконец Мечислав произнес отрешенно:

– Столицу бодричей Рерик запретил сдавать сам князь Годлав. Можем ли мы нарушить его приказ?

– Князя надо выкупить, – вышел вперед Дражко. – Я так думаю, что состоятельные люди отдадут все, что у них есть, кое-чем поделятся рядовые граждане. Прикинем сейчас же, сколько сможет собрать город сокровищ.

– Прикинуть мы можем, – медленно произнес Внислав. – Ну а коли откажутся вороги от нашего выкупа?

После тягостного молчания вопросом на вопрос ответил древний Мечислав:

– Неужто предоставим врагу на разграбление наш город, своими руками отдадим ему наших жен и дочерей на поругание?

– Решено! – встрепенулся нетерпеливый Внислав. – Предлагаем Готфриду выкуп, какой он запросит, и не больше!

На том и решили. Наметили состав посольства к королю данов, которую возглавил Мечислав. Через некоторое время она вышла из главных ворот и направилась к вражескому лагерю. За ним молча и сосредоточенно наблюдали высыпавшие на стены почти все жители города. Его у ворот частокола встретил со своей свитой Готфрид.

Чуть склонив голову в поклоне, Мечислав проговорил степенно:

– Обсудили мы, старейшины племени бодричей, твое предложение, король данов, и решили единогласно, что можем за жизнь нашего князя отдать выкуп такого размера, какой сам назначишь.

У Готфрида высоко вверх полезли брови, и все его узкое лицо с маленькими веселыми глазками сморщилось, будто он собирался громко чихнуть. Потом рассмеялся и, оглянувшись на своих подчиненных, весело и издевательски спросил:

– Ну, а если я назначу такой выкуп, который будет не под силу собрать вашему городу, тогда что?

– Если мы сразу не соберем, то выплатим по прошествии последующих лет.

– Вон как! А не получится так, что просто-напросто надуете меня? Отдам вам вашего князя, отойду с войском в свои земли, а вы возьмете да и заявите, что ничего не должны или, чего еще хуже, что запросил я слишком дорого, стало быть, поступил нечестно, тогда и можно отказать, не поступаясь совестью. Что ты на это скажешь, почтенный старец?

– Наше слово твердо. Сколько запросишь, король, столько и передадим в твои руки. Сегодня или после. Мы слово держим крепко.

Король дернул поводья, конь его сделал скачок вперед, но Готфрид тотчас его усмирил и заставил неторопливым

шагом объехать вокруг бодричского посольства. Как видно, раздумывал, соглашаться ему на предложение или отклонить его. Остановился перед Мечиславом, долго молчал, глядя на гриву коня. Потом неожиданно быстро вскинул голову, рассмеялся весело и раскатисто:

– А мне мало вашего выкупа, каким бы он ни был! Мне подавай весь город! Целиком и полностью! Со всеми потрохами хочу иметь столицу вашего племени! Вот так-то, старец!

– Стало быть, это последнее твое слово, король данов?

– Да, последнее! Если не согласитесь на него, то ваш князь будет казнен на виду всего города!

– Одумайся, король данов Готфрид! Пролитие крови пленного черным пятном ляжет на твою жизнь и жизнь твоих детей и внуков! Никогда не считалось достойным делом убийство безоружного человека. И ничего ты не приобретешь, коли казнишь князя, а потеряешь большие богатства, которые мы тебе предлагаем!

– Ха! Он предлагает! Не надо мне предлагать! Я расправлюсь с вашим князем, а потом возьму приступом Рерик и получу все ваши богатства, да еще мои воины поразвлекаются с вашими прекрасными женщинами!

– Что ж, нам хотелось разойтись с миром, но, как видно, все наши старания оказались бесполезными. Но знай, король данов Готфрид, небо покарает тебя за твою жестокость и бессердечие!

С этими словами Мечислав круто повернулся и пошел к крепости, следом за ним двинулось и посольство. Когда они скрылись за воротами, Готфрид произнес властным голосом:

– Десятку лучников ко мне!

К нему подбежали стрелки, готовые выполнить любое его указание.

– Встаньте напротив князя бодричей на расстоянии пятнадцати шагов и ждите моего приказа. Я лично буду командовать вами при его расстреле!

Стрелки исполнили так, как велел король. Готфрид взмахнул платочком, выкрикнув неожиданно звонким голосом:

– Стреляйте!

Привязанный к частоколу, израненный Годлав, измученный долгим висением на веревках, сделал последнее усилие, поднял голову и посмотрел на родной город, защитников, молча смотревших на него, выплюнул кляп и крикнул что есть силы:

– Не сдавайтесь, братья и сестры! Бейтесь насмерть, но не сдавайтесь! И простите меня за мой роковой просчет и ошибку!..

И тотчас десять стрел вонзились в тело князя. Голова его упала на грудь, тело обвисло.

Защитники города замерли в скорбном молчании. Мужчины бессильно сжимали оружие, по лицам женщин текли слезы.

Горяча скакуна, Готфрид проскакал вдоль крепостной

стены, выкрикивая:

– Можете забрать своего князя, видите, какой я великодушный! Похороните по своим обычаям, а завтра ждите в гости меня! И даю вам на раздумье до завтра. Не сложите оружия, пощады от меня никому не будет!

Город молча слушал его слова.

Датские воины сняли с частокола князя, положили на полотно и принесли к воротам крепости. Отсюда его забрали горожане.

Тело покойного обрядили и положили на берегу Балтийского моря, на самом возвышенном месте. Начался великий плач по всему городу. Люди прощались со своим князем. Рерик стоял возле гроба, прижавшись к матери, глаза его были сухими, только иногда он вздрагивал от сдерживаемых рыданий. Вечером Годлав был похоронен. В могилу были положены оружие, одежда, обувь, драгоценности, забитый скакун князя – все то, что должно было пригодиться ему на том свете. Над могилой был насыпан курган². Утро выдалось хмурое, неприветливое. С моря неслись рваные тучи, неласковое солнце порой прорывалось сквозь них, освещая опустевшие улицы города. Все, кто мог держать оружие и чем-то помочь защитникам, вышли на крепостные стены. Жители были полны решимости до конца отстаивать столицу княжества, но понимали, что с гибелью князя и его дружины по-

---

² У большинства славян было трупосожжение, но у поморских племен и у киевских полян – трупоположение.

ложение города было почти безнадежным.

Лагерь противника стал просыпаться поздно. Видно, Готфрид и военачальники решили дать хорошенько отдохнуть своим воинам. Вот зажглись костры, на которых готовилась еда, дразнящий запах мяса разносился по всей округе.

Позавтракав, вражеские воины стали готовиться к приступу. Скоро стал ясен замысел неприятеля: все свои силы король данов Готфрид и герцог саксонский Ходо сосредоточили против западной части стены, которую удалось частично разрушить с помощью метательных орудий; с моря подходили военные корабли с десантом.

Вот построение закончилось, и над полем повисла та величаво-трагическая тишина, которая предшествует кровопролитному сражению. Штурмующие сосредоточенно переглядывались между собой, поправляли на себе снаряжение, прилаживали поудобнее оружие. Осажденные молча прощались друг с другом, обнимали родных и близких, соседей по крепостной стене. Приближалась роковая минута.

И вдруг с востока из леса стала вываливаться конница с воинами, на которых красовались островерхие шлемы. Такие могли быть только у новгородцев. Всадников становилось все больше и больше, вот они начали растекаться по лугу и окружать германцев, и скоро все вражеское войско было зажато между крепостью и новгородцами. За несколько минут обстановка изменилась самым коренным образом: теперь уже не защитники города, а их враги оказались в безнадежном положении.

дежном положении. Горожане взорвались бурей ликования, спасение пришло тогда, когда его никто не ожидал.

II

Мудрый старец Гостомысл, приведший новгородское войско к городу Рерику, находился к глубокому раздумью. Обозревая боевое поле, он видел, что достаточно отдать ему приказ о наступлении, как объединенное германское войско будет уничтожено совместным ударом защитников столицы и новгородцев; немногим удастся вырваться из плотного кольца. Но спасет ли эта победа бодричей от будущих нашествий западных соседей, принесет ли она мир на эти земли? Скорее всего, нет. Оправившись от поражения, враг снова будет собирать силы для того, чтобы отомстить за неудачу и взять верх над бодричами. Не сможет уже Гостомысл помочь родственному племени в другой раз. Ему уже восемьдесят лет, жизнь на исходе, а те, кто придет ему на смену в Новгороде, едва ли станут так болеть за далекое славянское племя. Тогда едва ли оно выстоит против мощного противника...

Он, Гостомысл, провел много войн, участвовал во многих битвах, одержал много побед, испытал и горечь поражений. В этих войнах он потерял своих четверых сыновей, у него не осталось наследников и на нем прерывается династия новгородских князей. Видно, после него будут править страной избранные народным вече посадники. Вот только что ему сообщили о гибели Годлава, князя бодричей и его зятя: да, даже победы не несут только одного счастья и удовлетворе-

ния, они обязательно сопровождаются невосполнимыми потерями, и Гостомысл к концу своей жизни пришел к убеждению, что лучше всякой войны, всякой громкой победы бывает только достигнутый переговорами полюбовный мир. Он, как правило, вел к длительному спокойствию, к процветанию страны, улучшению и так нелегкой жизни народа. А война разжигала новую войну, победа разжигала у противника ярость и желание отомстить за горечь поражения, и все это вело к новым бесконечным войнам. Так стоит ли и сейчас заканчивать далекий поход кровавым сражением?..

Полулежа в походном возке, он слабым мановением руки подозвал к себе боярина Оногаста, приказал:

– Пошли к противнику воина с предложением переговоров. Пусть он пригласит ко мне короля Готфрида и кенига саксов Ходо.

Боярин кивнул головой, тотчас исчез. Прошло довольно длительное время, наконец Оногаст подъехал к князю и проговорил:

– Кениг саксонский Ходо прибыл со свитой на переговоры.

Гостомысл приподнялся на подушке, уселся поудобнее, сказал:

– Зови.

К возку подъехал кениг, соскочил с коня, остановился перед князем, кивнул головой в знак приветствия. Это был 30-летний мужчина, бородатый, длинноволосый, как все сак-

сы. Одет он был в длинную до колена рубашку, поверх которой красовался блестящий металлический панцирь, на плечах висел короткий плащ синего цвета, отороченный золотой каймой; ноги обуты в желтые ботинки, чулки обмотаны ремнями; на голове лихо сдвинута вязаная шапочка, по-видимому, служившая подшлемником.

– Я бы хотел видеть и короля Готфрида, – сказал ему Гостомysl по-германски, который он знал с ранних лет. – Нельзя переговоры вести за его спиной.

– Король данов Готфрид сбежал, пользуясь общей сумятицей, – ответил Ходо басовитым голосом. – Его войска находятся в моем подчинении.

Гостомysl кивнул. Помолчал. Потом стал говорить, неторопливо, степенно:

– Долго ли нам воевать, Ходо? Сколько я живу, столько мы сражаемся друг с другом – славяне и германцы.

Кениг переступил с ноги на ногу, его брови от удивления полезли вверх. Как видно, он ожидал услышать условия сдачи немецкого войска, а старец вдруг заговорил совсем о другом.

– Может, стоит нам с тобой сделать попытку установить между нашими народами вечный мир, чтобы люди не боялась друг друга и жили в тишине и спокойствии?

– Каким образом? – сглотнув слюну, спросил Ходо.

– Дать клятву своим богам, что будем свято соблюдать заключенный договор, и разойтись без битвы и кровопроли-

тия.

Ходо во все глаза смотрел на новгородского князя, боясь поверить его словам. Разве он, Ходо, упустил бы такой момент, когда враг у тебя между пальцев и стоит только сжать кулак, как он будет уничтожен? А может, старый хитрец готовит какую-нибудь ловушку? Да нет, куда еще больше, и так он, Ходо, со своим войском в ловушке. Выходит, стоит поверить князю, тем более что у него нет иного выхода.

– Я готов поклясться на мече перед главным богом нашим Тором, что не нарушу слова своего и буду вечно хранить мир между саксами и бодричами, – твердо проговорил он.

– Вот и замечательно. Я тоже поклянусь нашим главным богом Перуном. Тогда наши народы будут спокойны за свое будущее, им не придется рисковать жизнью в непрерывных кровопролитных войнах. Скажи кениг, а есть у тебя сыновья?

– Да, трое. Двое малолетних сейчас дома, с матерью, а третий со мной.

– Много ли ему лет?

– Десять недавно исполнилось.

– Вот и моему старшему внуку тоже десять лет стукнуло, а он уже потерял отца.

Гостомысл надолго задумался, закрыв глаза. Ходо уже подумал, что он уснул, что нередко бывает со старыми людьми, но вдруг князь открыл глаза и светлыми глазами посмотрел ему в лицо.

– А скажи-ка, кениг, – проговорил он помолодевшим голосом, – не договориться ли нам с тобой насчет того, чтобы твой сын и мой внук в знак нашей дружбы и примирения жили вместе? Да, по очереди, то в твоей столице Падеборне, то в центре бодричей Рерике. Выросли бы друзьями и против друг друга никогда бы не начали войны. Это было бы крепче всякой торжественной клятвы.

Ходо некоторое время подумав, ответил:

– Я согласен, князь. Хоть и немного живу на белом свете, но так же, как и ты, ненавижу войну и ради мира готов пойти на любые условия.

– Вот и хорошо, вот и сладились, – удовлетворенно проговорил Гостомysl. – Будем готовиться к торжественному обряду.

III

Гудело и волновалось народное вече столицы бодричей города Рерика. Присутствовали одни мужчины, при оружии. Большинство пришло прямо с крепостных стен, их лица еще дышали недавними сражениями.

На помост вышел посадник Мечислав, поднял руку, успокаивая присутствующих. Его не слушались, волновались, выкрикивали:

– Почему с германцем замирились?

– Зачем ворогов выпустили?

– Кто запретил расправиться с неприятелем?

Наконец посаднику удалось установить тишину.

– Братья! – сказал он. – Вы знаете, какие беды мы испытали за последние дни. Погиб наш князь Годлав. Представляю вам его старшего сына Рерика, наследника отцовского престола. – Он положил руку на плечо рядом стоявшего Рерика. – Но ему пока десять лет, рано еще ему княжить. Поэтому прошу народное вече утвердить при нем советника и опекуна всем известного старшину рода Дражко!

– А сколько он будет опекать Рерика? – выкрикнул кто-то.

– Согласно славянским обычаям до восемнадцати лет. В этом возрасте юноша идет на службу и на войну, вступает во владение имением родителей. Стало быть, и Рерик станет считаться нашим князем с восемнадцати лет. А до этого по

всем важным вопросам вам следует обращаться к Дражке. Дражка, поклонись обществу. Теперь ты ему будешь служить верой и правдой. Поклянись в этом.

Дражка выступил вперед, приложил руку к сердцу произнес серьезно и внушительно:

– Клянусь служить народу бодричскому верой и правдой, судить по законам и обычаям нашим русинским.

Толпа одобрительно зашумела:

– Знаем, знаем старейшину... Умный и дельный человек... Из торговых людей, такого не обведешь, не проведешь... Надежный человек...

– А теперь перейдем ко второму вопросу – заключению мира с саксами и данами.

Толпа взорвалась. Люди кричали, орали, потрясая оружием и щитами:

– Нежела-а-а-ем!

– Не хотим мира-а-а-а!

– Добивать надо ворого-о-о-ов!

И тогда на край помоста вышел Гостомысл. При виде седовласого старца, худого и стройного, со строгим лицом, обрамленным длинными волосами и бородой, суровым взглядом из-под нависших бровей, толпа быстро поутихла.

– Братья мои, – негромко произнес Гостомысл, но его услышали во всех концах площади. – Братья мои, – повторил он, оглядывая всех выпуклыми синими глазами, – не один раз мы сражаемся вместе, не один раз с войском нов-

городским приходил я на помощь вам, братьям нашим, бодричам. Потому что мы братья с вами по крови, потому что мы когда-то составляли с вами одну страну – Русинию. Наши предки, словене новгородские, вышли из ваших земель и, пройдя большое расстояние по берегу Балтийского моря, поселились возле озера Ильмень. У нас с вами и язык один, и нравы, и обычаи схожие. И ваши беды и несчастья – это и наши беды и несчастья.

Гостомысл остановился, чтобы передохнуть. На площади – тишина, слышно было даже, как возились голуби на крыше храма бога Перуна.

– Братья мои, – продолжал Гостомысл, – я прожил долгую жизнь и пришел к одной непреложной истине: мир приносят не громкие победы, а милость и доброта, проявленные в подходящий, соответствующий момент. Такое положение создалось и сейчас. Если мы уничтожим врага, он через несколько лет снова придет под стены Рерика, чтобы отомстить нам. Но мы решили с герцогом саксов Ходо дать клятву дружбы между нашими народами и свято соблюдать ее. Согласны ли вы с нашим решением?

Может, в другое время и побуянила бы толпа жителей столицы, но в присутствии глубокого старца даже самые бойкие люди потупили глаза и склонили головы в знак согласия, а некоторые стали выкрикивать негромко:

– Пусть будет так!

– Согласны мы!

– Мир – это самое хорошее дело.

– Да мы всегда были не против...

Пригласили на помост герцога Ходо. Тот вышел, сдержанный, собранный, всем существом своим чувствуя враждебность и ненависть многотысячной толпы. Жрецы вынесли и поставили на вид изображение Перуна, вырезанное из дерева: глаза у него из драгоценных камней, усы – из золотых волос, в руке держит изогнутую серебряную молнию.

К Перуну подошел Гостомysl. Став перед главным славянским богом на одно колено, он произнес громко и отчетливо:

– Клянусь перед тобой, богом грозового неба, насылающего на нас громы и молнии, мчащегося по клубящимся темно-лиловым грозовым тучам на огненной колеснице, что никогда не нарушу дружбу с герцогом Ходо и его народом саксов!

Вслед за ним на колени встал Дражко и повторил ту же клятву.

Тогда на край помоста шагнул Ходо, воткнул перед собой прямой и длинный германский меч и произнес над ним слова клятвы:

– Клянусь богом нашим Тором хранить вечный мир и дружбу с народом бодричей. Да поразит меня своей страшной карой великий Тор, коли нарушу я свою клятву!

Князя и герцог ушли, а народ еще долго не расходился с площади, обсуждая необычное событие...

С площади Гостомысл прошел в горницу Умилы. Увидев его, она с тихим стоном бросилась ему на шею и замерла, не в силах сдержать слез: столько лет не видела родного отца!..

– Ну ладно, ладно, – ласково отстранил он ее и сел в кресло. – Показывай своих архаровцев, какие они у тебя выросли?

– Ну Рерика ты уже видел, – подталкивая перед собой старшого, растроганно говорила дочь. – Вырос, и не заметила...

– Соколом растет, настоящим соколом, оправдывает свое имя. Хорошим князем будет, достойным преемником Годлаву.

Крякнул, спохватившись, что некстати разбередил сердечную рану Умилы, украдкой глянул на нее, увидел, как лихорадочно заблестели у нее глаза, заторопился перевести ее внимание на сыновей.

Подозвал Рерика.

– Вот держи меч особой формы, называется саблей. Она длиннее и тоньше меча, легче для руки. Появилась недавно в восточных странах, у кочевников. Очень удобна и действенна в руках конника. Я привез с собой мастера сабельного боя, останется здесь, пока не научит тебя всем премудростям.

– Спасибо, дед! – Рерик вытащил из ножен стальное полотно сабли, оно ярко сверкнуло в лучах солнца, бившего в окна терема. – Ух, какая красивая! Как ловко легла в руку! Я с ней никогда не расстанусь!

– А что средний, тоже такой же воинственный растет? – глядя на худенького пятилетнего внука, спросил Гостомысл.

– Годлав назвал его в честь своего отца, воинственного и неукротимого Синеуса, – ответила Умила. – Не знаю, каким вырастет, а пока такой умный и спокойный мальчик, что не нарадуюсь, никаких забот и хлопот с ним.

– Подойди ко мне, Синеус. Я тебе тоже подарок привез, лук со стрелами, как раз для твоего возраста. Глаз надо упражнять с детства, только тогда из тебя выйдет меткий стрелок!

Гибкая дуга лука была сделана из разных сортов дерева, выкрашена в яркие цвета, а тетива была крепкой и в то же время мягкой, чтобы не поранить пальцы мальчика. Но Синеус как-то вяло подошел и взял оружие из рук деда неохотно и даже равнодушно.

– Не любит он военных забав, – пыталась оправдаться мать. – Ему бы играть в тихие игры где-нибудь в углу. Задумчивый он какой-то.

– Ничего, – успокоил ее Гостомысл. – Пройдут года, станет настоящим мужчиной. Жизнь заставит. Ну а меньшей-то каким богатырем растет! Сколько ему – года три, я думаю? Ишь какой бутуз, как налитой сидит и губы надул. Ну-ка иди к деду, прими медовый пряник! Как тебя зовут?

– Трубор, – буркнул карапуз и тотчас вгрызся зубами в протянутое Гостомыслом лакомство.

– Как появился на свет, сразу так громко заорал, будто

труба боевая! – растроганно говорила мать. – Ну мы его сразу таким именем и назвали.

– Полководцем ему быть, звучным голосом будет звать за собой воинов в бой! – тотчас определил Гостомysl. – Или посадником выберут, могучим басом всех на площади пере-кроет!

– Кто его знает, что из него получится, – вздохнула Умила. – Главное, растет здоровенький, это самое важное. А уж там как боги распорядятся...

– Да, в наше время не знаешь, как сложится судьба у наших сыновей. Думал ли я, что при четырех сыновьях останусь без наследника...

– Кому же передашь престол, отец?

– Вот думаю. Может, одному из твоих сыновей. Новгородцы признают... должны признать!.. Все-таки в них течет моя кровь! Но Рерик провозглашен князем бодричей, а кого-то из этих братья с собой нельзя, слишком малы. Пройдет годков пяток, соберусь к вам в гости, тогда и решим, кто пойдет княжить в Новгород – Синеус или Трубор.

– Горько мне будет расставаться, но, видно, ничего не поделаешь! – вздохнула Умила. – Видно, судьба матери такая: всю жизнь встречать и провожать своих детей...

Помолчали. Неожиданно Гостомysl вздрогнул, будто пробудился ото сна, проговорил каким-то странным голосом:

– Сон мне приснился не так давно. Утром привиделся,

когда сны запоминаются так, словно все наяву произошло. Явилось мне, будто из чрева твоего, Умила, выросло чудесное дерево, от плода которого насыщаются люди всей земли. Обратился я к мудрым волхвам разъяснить мне суть этого загадочного сна. И волхвы истолковали его таким образом: кто-то из сыновей твоих придет в Новгород и станет наследником моего престола и всей земле Новгородской будет угодно его княжение.

– Все в руках богов, – покорно произнесла Умила. – Если захотят они, то так все и произойдет.

Вошел Дращко, покосился на Рерика. Крякнув, сказал осторожно:

– Герцог саксонский Ходо привел своего сына знакомить с нашим княжичем, как о том договаривались...

– Что ж, пусть княжич идет. Ты, Умила, не возражаешь?

– Куда это его зовут? – встрепенулась мать.

– Договорились мы с Ходо, что будут вместе расти Рерик и его сын. Как его уж зовут?

– Уто, – подсказал Дращко.

– Вот-вот, Уто. Сначала с месяц-другой у нас этот Уто проживет, потом к саксам Рерик поедет. Так они подружатся и станут неразлучными. А известно, что между друзьями не могут быть войны. Не так ли, Умила?

– Да-да, конечно, – поспешно согласилась она и тотчас спросила: – А сначала этот саксонец у нас будет жить? Рерик-у не надо пока никуда ехать?

– Никуда-никуда, – успокоил ее Гостомысл.

– Тогда ладно, – смирилась Умила. – Иди, сынок, познакомься с саксонцем. Может, и вправду таким образом войны прекратятся.

Рерик вошел в соседнюю горницу и увидел стоявшего у окна мальчика своих лет. Тот был широкоплечий, плотно сложенного и с крупной головой, посаженной на короткую толстую шею. На круглом лице его покоился маленький курносый носик, синие глаза смотрели умно и внимательно.

Они долго молча рассматривали друг друга.

Наконец Уто спросил ломающимся баском:

– Ты и есть княжич?

Говорил он на сакском наречии, но Рерик, выросший на границе, хорошо знал язык соседей, поэтому тут же ответил:

– Княжич. А ты кто такой? Не сын ли герцога?

– Угадал. Наверно, моя одежда выдала?

На нем была белая рубашка, отороченная золотистой каймой, коричневая жилетка из дорогого материала, штанишки, заправленные в белого цвета чулки, и красные башмаки из тонкой кожи.

– Ага. Одет ты красиво.

– Ты тоже неплохо выглядишь, – примирительно проговорил Уто.

На Рерике была светло-желтая шелковая рубашка, подпоясанная золотистым ремешком, штаны из домотканой материи, покрытой различными цветными рисунками, на ногах

желтые кожаные башмаки.

Помолчали, не зная, о чем говорить. Наконец Рерик проговорил хвастливо:

– А мне дед саблю подарил.

– У меня тоже меч есть.

– Меч – это меч. А у меня сабля. Такой ни у кого нет.

– А вот и неправда.

– Мне дед говорил. Ему откуда-то с востока привезли. Одну-единственную.

– Мне тоже привезут.

– Это когда! А у меня уже сейчас есть. Видишь, какая красивая!

И Рерик вынул из ножен саблю и взмахнул ею пару раз перед собой. У Уто загорелись глаза, но он сделал над собой усилие и принял безразличный вид.

– Подумаешь – сабля... А невеста у тебя есть?

– Какая невеста?

– Обыкновенная. Невест, что ли, не видел?

– Они только у взрослых бывают.

– А вот и нет!

– А! Это когда девчонка какая-нибудь нравится. Мне тоже одна приглянулась.

– Таких сотни бывают! А нас родители наши невестой и женихом нарекли.

– И к чему это?

– Как к чему? Чтобы мы взрослыми поженились.

– Можно и без этого пожениться. Все так делают.

– Все – это все! А мы уже клятвой друг с другом связаны.

– И кто она такая?

– Дочь герцога из города Альдинбург.

– Альдинбург – это бывшая столица варангов Старгород?

– Да. Был когда-то. А теперь мы его захватили, теперь это наша крепость.

– И как ее зовут?

– Я же сказал – Альдинбург.

– Твою невесту зовут Альдинбургом? – удивился Рерик.

– Что ты! Я думал ты про крепость спрашиваешь. А мою невесту Ильвой зовут.

– Красивое имя.

– Она и сама красивая.

Рерику все-таки обидно, что у Уто есть невеста, а у него нет. И он решил еще кое-чем похвалиться.

– А у меня в ушах булькает, – хвастливо заявил он.

– А чего хорошего? Булькает, значит, они болят и ты плохо слышишь.

– Ты не понял! Они булькают только перед дождем.

– Как это?

– За сутки я чувствую приближение непогоды. Никто не знает, что дождик будет, а мне известно!

Уто подозрительно и недоверчиво посмотрел на Рерика, спросил:

– А что, можешь определить, завтра будет дождь или нет?

– Легко!

– И что же?

– Дождя не будет!

– Точно?

– Точно!

– Тогда мы с отцом на корабле прокатимся по морю!

Рерик вспомнил о гибели отца, нахмурился, промолчал.

Потом предложил:

– Пойдем в сад поиграем.

– Во что?

– Найдем во что играть! Там у меня крепость небольшая построена, и качель имеется, круг раскрутим...

– Пойдем! До ужина еще много времени!

IV

Минуло семь лет. Между саксами и бодричами все эти годы царил мир. Но с юга на них часто нападали воинственные тюринги. Расположенные на границе Франкского государства, они вели себя вольно, не подчинялись парижским властям и совершали неожиданные набеги на земли саксов и бодричей, грабили, разоряли, поджигали, уводили пленных и скрывались в своих лесах. Оборонительные меры – строительство лесных засек, линий сооружений из частокола и крепостей – не давали результата. Тогда в Рерик прибыл герцог Ходо и начал переговоры с Дражко.

– Надо примерно наказать распустившихся тюрингов, – говорил он, объедая вкусную кость оленины и запивая вином. – Пора от обороны перейти в наступление, послать в их земли объединенное войско наших племен.

– Я тоже об этом думал, – изменив своей привычке переспрашивать, вежливо отвечал Дражко. – Мои войска хоть сейчас готовы к походу.

– Мне тоже не надо готовиться долго. Думаю, через месяц мы сможем выступить.

– Свои войска я сначала поведу вдоль реки Лабы, а потом на границе Тюрингии мы встретимся.

– Таким городом будет наша крепость Эресбург. От нее один дневной переход до вражеской земли.

Они помолчали, занятые едой. На столе стояли обильная закуска и питье: славянское гостеприимство славилось по всей Европе.

– Я вот еще о чем думаю, – наморщив лоб, озабоченно проговорил Ходо. – Наши дети неоднократно ходили с нами в походы, показали себя неплохими воинами. Они уже выросли, стали совсем взрослыми. А что, если поставим их во главе объединенного войска?

От удивления Дражко едва не поперхнулся.

– Ты это серьезно? – спросил он, устремив на Ходо недоверчивый взгляд.

– А что? Сколько их держать на помочах? Потом не отучишь от привычки оглядываться на старших. Пусть испытуют себя полководцами. Я в их годы уже сражался с самим Карлом Великим.

Дражко поерзал в кресле.

– Что-то страшновато... Не намудрят?

– Дадим опытных воевод. Подскажут где надо.

– Раз ты настаиваешь... Но в военном деле должен быть кто-то старшой. Кого, по-твоему, следует поставить во главе войска – Рерика или Уто?

– Думаю, Уто. Он более собран, может предвидеть события. Достаточно смел, но в то же время осторожен и сдержан в своих чувствах. В нем развиты зоркость и зрелость. Он не по годам взрослый.

– Согласен. Рерик, к сожалению, может увлекаться, порой

им движут сердечные порывы. А это опасно в сражениях и битвах, оборачивается просчетами, неразберихой, а то и поражением.

– Это хорошо, что мы думаем одинаково. Значит, решили: через месяц наши войска отправляются против тюрингов.

В начале июня 815 года войско бодричей под командованием Рерика двинулось на юг. Шли вдоль берега Лабы. В поход взяли стадо скота, который кормился на просторных лугах, раскинувшихся по берегу реки. Тянулись повозки с едой и обмундированием воинов – кольчугами, панцирями, щитами. На ночь повозки сдвигались в круг, внутри которого устраивались воины. Вынимали домашние заготовки – сыр, солонину, хлеб, соленую рыбу. Забивали часть скота, готовили на кострах мясо, ужинали. Спали кто как сумел устроиться: иные наламывали лапы елей, кидали на них лошадиные попоны, другие рвали траву, кустарник, клали рядом с собой оружие. Рерик выставлял сторожей, во время бодрствования по несколько раз проверял караульных.

В удобном месте устроили переправу войска на правый берег Лабы. Для лошадей связали плоты, не умевшие плавать мастерили подручные переправочные средства, кое-кто кидался в воду вместе с конем.

Встреча с полками саксов, как и намечалось, произошла возле крепости Эресбург, расположенной на берегу небольшой речушки. Крепость была небольшой, деревянной, с пятью башнями. Саксы радушно встретили полки бодричей.

Прямо в поле на раскинутых полотнищах были расставлены еда и напитки, начался большой пир...

Опытным взглядом Рерик оглядывал вооружение саксов и приходил к выводу, что в последние годы оно значительно улучшилось: больше панцирей, кольчуг, добротней стала одежда рядовых воинов, лучше питание. Несомненно сказалось то, что саксы вот уже четверть века жили во Франкском государстве, которое заботилось о своем войске. Что же касается бодричей, то у них оставалось все на прежнем уровне: как сумел тот или иной род собрать свой отряд, тем и довольствовались.

Пропировав день, объединенное войско вошло в дремучие леса. Те, кто дома жил в окружении дубрав, чувствовал себя спокойно. Но на жителей городов, приморских селений и степных равнин глухие места наводили страх, многие доставали заговоренные жрецами и ведунами вещицы, молились на них, целовали, прятали под рубашку.

Скоро начались лесные завалы. Могучие деревья подрубались на уровне роста человека, валились в сторону вражеского войска; ветви переплетались так, что деревья невозможно было растащить. Приходилось обходить стороной, по лесным чащобам, войско разбрелось, появилась опасность потери управления подразделениями. Ко всему прочему из-за зарослей внезапно появлялись тюрингийцы, метко поражали воинов и тотчас исчезали. Объединенное войско начало нести потери, даже не вступив в сражение.

– Что будем дальше делать? – спросил Рерик – Так мы потеряем всех бойцов, вернемся в одиночку.

Уто пожал плечами. Такого поворота событий он тоже не ожидал и не видел никакого выхода.

– Давай пригласим воевод. Может, они что-то дельное подскажут, – наконец сказал он.

Воеводы прибыли. Уто задал им тот же вопрос: как быть дальше?

После долгого молчания стал говорить Евтарих:

– Иного выхода нет, как найти лесного проводника, дать ему большие деньги и воспользоваться его услугами.

– Но надо такого еще найти! – удрученно сказал кто-то.

– Уже найден нужный человек, – продолжал Евтарих. – Он говорит, что есть боковые пути, по которым можно обойти смешанные леса и выйти на сосновые. А там песок, сухая почва, там можно идти и без дорог.

– Так почему ты раньше не сказал об этом человеке? – в гневе спросил Уто.

– Только что привели мои воины. Надо с ним поговорить лично тебе, герцог. Не поскупиться на вознаграждение, и тогда наше войско выйдет на луговые равнины.

Заросший волосами, бородатый человек зверовато поглядывал на Уто. Звериная шкура, прикрывавшая его тело, была сношена и замызгана, ноги босы. Уто приказал дать ему еды. Тот с жадностью набросился на сыр и хлеб.

– Я подарю тебе хорошую одежду, безотказный лук со

стрелами и пригоршню золотых монет, – сказал ему Уто. – Но за это ты меня должен вывести из этого дремучего леса.

– А ты не обманешь меня, господин? – спросил тот, дико озираясь по сторонам.

Вместо ответа Уто кивнул своим приближенным, и перед лесным человеком было разложено все, о чем говорил герцог. Тот быстро переоделся, в сумку положил деньги, перекинул через плечо колчан с луком, сказал:

– Шагайте за мной.

– Но если выведешь не туда, я тебя на первом суку повешу, – предупредил его Рерик.

Тот только хмыкнул и ничего не ответил.

Войско приняло вправо, потом некоторое время двигалось в обратном направлении, миновало вязкое место, но скоро вышло на просторную дорогу, которая привела в сосновый лес. Все поняли, что лесной человек не обманул их. На прощание Рерик подарил ему личный нож с отличным лезвием.

– В лесу пригодится, со зверями шутки плохи.

Полудикий человек ощерился и быстро шмыгнул в заросли леса, только его и видели.

Миновав сосновые леса, вышли на широкие луга. Там стояли тюрингийцы. Их войско раскинулось широкой лентой. Вооружение было неважное: мечи, деревянные щиты и шлемы, лишь немногие имели кольчуги и панцири. Рерик знал, как сражаются германские племена: каждый род строится

клином, в этом клине были сильны взаимопонимание и взаимовыручка. Этими клиньями они, точно пилой, рассекали войско неприятеля, дробили его на части, а затем беспощадно истребляли.

Вместе с Уто они долго прикидывали, как построить своих воинов. Наконец решили: в центре поставить саксов одним большим клином; одетые в железную броню панцирей и кольчуг, они прорвут центр тюрингийцев, а крылья из бодричей добьют их. Ударить решили первыми.

Но их опередил противник. Неожиданно все войско тюрингийцев подняло невообразимый шум – это воины прикладывали губы к краю щитов и тем самым усиливали звук своего голоса; ударили барабаны, загудели трубы, и неприятель ринулся в атаку.

Удар был стремительным и сильным; завязалось ожесточенное сражение. Успех переходил от одной стороны к другой; одно время казалось, что неистовая ярость нападавших вот-вот завершится успехом, кое-где им удалось потеснить ряды саксов. Но тут сказались недостатки, свойственные всем-войскам, сражавшимся толпой: если не удавалось сломить врага первым ударом, воины быстро падали духом и начинали ослаблять напор. Это и заметили Уто и Рерик.

– Ну что, пора? – спросил Уто.

– Пора, – кивком подтвердил Рерик.

Они впереди своих воинов – стремя к стремени – кинулись в бой. Молодая кровь ударила в голову, горячей волной

разошлась по всему телу. Все забылось, хотелось только скорейшей стычки с неприятелем, чтобы зудевшая от нетерпения рука заработала, направляя в нужном направлении легкую и послушную саблю...

Краешком глаза Рерик видел Уто. Тот схватился с дюжим тюрингийцем, возле которого крутился на коне другой, жилистый и изворотливый, сбоку стремившийся достать мечом его друга. Рерик из неудобного положения полоснул его саблей чуть повыше кольчуги. Увидел, как шею тотчас прорезала тонкая темная полоса, мельком подумал про себя: «Этот готов», а затем кинул коня на другого тюрингийца, только что заколовшего одного из воинов-саксов...

Дальше битва разворачивалась сама собой, без руководства Уто и Рерика. Брошенные ранее в обход конные массы стали теснить противника, постепенно сжимая его к центру. Враг стал отступать, а скоро его отступление превратилось в бегство.

После этого поражения тюрингийцы нигде не оказывали никакого сопротивления. Один за другим брались селения и небольшие городишки, которые беспощадно грабились, а дома сжигались. Было захвачено много рабов, которых можно было продать на рынках Балтийского моря. Нагруженное добычей войско благополучно вернулось домой.

Последний день перед прощанием Уто и Рерик провели рядом, вспоминая различные подробности похода, рассказывали друг другу новости своих семей, делились задумками

на будущее.

– Кстати, – сказал Уто, – через две недели я собираюсь ехать в Альдинбург сватать свою невесту. У нас свято соблюдают обряд обручения. Брак с обрученной приравнивается к прелюбодеянию. Так что сам можешь представить важность предстоящего события.

Для Рерика это известие было полной неожиданностью. Да, он знал, что у друга имеется невеста, что они помолвлены с семилетнего возраста, он пару раз видел девушку, но чтобы друг надумал жениться... Он всегда думал, что женятся взрослые люди, а себя он еще считал молоденьким, не готовым для столь важного шага в жизни...

И он спросил:

– А куда торопиться? Тебе-то всего – семнадцать лет.

– Отец настаивает. Да и сам посуди: сколько живет знатный мужчина? Лет тридцать, от силы сорок. Постоянные войны, сражения, битвы... У нас сложился дурацкий обычай: полководец должен вставать во главе войска и первым мчаться навстречу врагу. Это мы с тобой руководили боем издали, и считаю, что правильно поступили. А потом все-таки сорвались. Считается, что военачальник должен проявлять чудеса доблести и геройства, иначе его перестанет уважать войско. Но ведь в бою первым стараются убить командующего, командира...

Рерик вспомнил, как его отец выскочил первым из крепости, ведя за собой личную дружину, и попал в ловушку. Но

следовало ли ему так поступать?

Мог послать вместо себя и другого человека, зато бодричи не лишились бы своего князя, и все могло пойти по иному пути...

– А болезни, а эпидемии? – продолжал Уто. – Одна чума чего стоит, косит всех подряд, не разбирая ни титула, ни звания... Вот и прикидывай, сколько тебе небесами отмерено. А ведь надо оставить после себя детей, потомство, наследника престола, обязательно мальчика. Некоторые только и успевают произвести на свет двоих-троих детей, как складывают голову где-нибудь на высоком холме или в дремучем лесу...

– Как ты разумно рассуждаешь, – задумчиво проговорил Рерик. – Как взрослый мужчина. Я никогда на такие темы не размышлял.

– Куда мне! Я о свадьбе и не думал. Жил да жил себе, с девчонками по вечерам хороводы водил да изредка со своей нареченной встречался. Это мне отец недавно растолковал. Все равно, сказал, придется жениться, а в наше время – чем раньше, тем лучше. Пришлось согласиться.

– Ты ее любишь?

– Ильву? Конечно. Я кроме нее ни на одну девушку никогда не заглядывался. Она красивая! И умная. Мне иногда кажется, что она умнее меня.

– Брось ты! Девчонки не могут быть умнее парней!

– А ты с ней говорил? То-то. Видел пару раз издали. Но

хоть что красивая – признаешь?

Рерик вспомнил худенькую девчонку с большими выразительными глазами и тонкими ручками. Так себе, девчонка и девчонка.

Однако ответил:

– Что она красавица, никто не спорит.

– Самая красивая на свете!

– Потому что ты влюблен.

– Ты-то хоть влюблялся когда-нибудь?

– Сколько раз!

– И что ты чувствовал в это время?

– Как что? Ну думаешь о ней, стараешься увидеть, наедине остаться...

– У меня все гораздо серьезней. Я жизни своей без нее не представляю.

Рерик пожал плечами, ничего не ответил.

Некоторое время ехали молча. Потом неожиданно Уто спросил:

– Как вернемся домой, у тебя никаких важных дел не предвидится?

– Да нет. Все важные дела решает Дращко.

– А сколько же лет он будет за тебя решать?

– Как мне исполнится восемнадцать лет. А что?

– Да вот мысль мелькнула, не пригласить ли тебя на обряд обручения? Все-таки мы столько лет вместе, ты стал близким другом. И, представь, какая мне честь: переговоры об

обручении с невестой ведет сам князь бодричей!

– Сумею ли? – засомневался Рерик.

– Ничего сложного. Не отказывайся, я тебя очень прошу!

– Хорошо. Уговорил!

– А потом мы отправимся в Аахен, где любил подолгу бывать сам Карл Великий, император Франкского государства. Им был построен исключительной красоты и величия храм – Аахенская капелла. Нашла на мою невесту блажь, хочет полюбоваться на это великолепное сооружение и заказать молебен. Тебе, язычнику, не понять ее устремлений. Вот если бы ты перешел в христианство!..

– Нет уж! Своим богам я никогда не изменю!

– Говорят, Аахен очень красивый город. Разве что Риму уступит, а так в округе нет равных ему!

– Об Аахене я наслышан, и сам бы не прочь съездить.

– Так поехали! Лишняя сабля в дороге будет только кста-ти.

– А что, шалят на дороге?

– Еще как! И разбойники, и местные князьки, и бароны не прочь поживиться легкой добычей. Но всех опасней викинги. Ватагами исходили они пол-Европы вдоль и поперек, грабят беспощадно всех, даже церкви и монастыри не щадят. Страшный народ! Второе столетие нет от них покоя!

– Охрану надо покрепче взять.

– Охрану возьмем! Вообще поедем с шиком! Соглашайся, не пожалеешь!

– А что! Меня всегда тянуло увидеть чужие края. А тут сама королевская резиденция могучего государства. Нечасто такое может представиться в жизни. Ничего-то я кроме родного города Рерика не видел!

– Вот и хорошо! Приедешь в нашу столицу Подербори, а оттуда двинемся в Альдинбург.

V

Столица саксов расположилась посреди дремучего леса, все укрепления и здания в нем были сплошь деревянными. Городок маленький, скученный, казалось, дома и дворцы налезали друг на друга, по узким кривым улицам с трудом могла проехать телега, и возникало совсем безвыходное положение, когда встречались их две: ни разъехаться, ни повернуть назад. После брани и долгих препирательств приходилось коней выпрягать, а тележки толкать вручную до ближайшего переулка.

Приезду Рерика Уто сильно обрадовался, выбежал на крыльцо, обнял и повел в свои покои. Во дворце происходила суэта, слуги собирали Уто в дорогу. На другой день кортеж двинулся в сторону Балтийского моря. Чем дальше отъезжали от столицы, тем больше чувствовалось разорение: здесь огнем и мечом прошли викинги.

– Датские викинги облюбовали Англию, там они полстраны превратили в пустыню, – говорил Уто. – А в наших краях свирепствуют скандинавские норманны. Приплывают на кораблях, высаживаются десятками тысяч, грабят и разоряют все подчистую. Пока от гонцов получим известие об их прибытии, пока соберем войско, их и след простыл. Не успеем домой возвратиться, как прибывает новая банда грабителей, и все повторяется сначала. Даже франкские короли не в со-

стоянии справиться с ними. Мой отец участвовал во многих походах Карла Великого и рассказывал один эпизод его войны с викингами. В 810 году датский король Готфрид прибыл на 200 судах в Фрисландию³, ограбил все прибрежные острова, сжег город Гронинген, обложил местное население данью в 100 фунтов серебра. Узнав об этом, Карл Великий поспешил со своим войском на север, но Готфрид уже бежал, прихватив награбленную добычу. Тогда император повелел везде по побережью закладывать укрепления, распорядился во всех гаванях строить корабли, потому что в одном только сильном и хорошо снаряженном флоте он видел безопасность и защиту своих северных территорий от нападений викингов.

– С Готфридом у меня особые счёты, – помрачнев, проговорил Рерик. – Вообще Дания сейчас главный враг славян. Я слышал, что жители острова Руяна⁴ в отместку постоянно нападают на датские селения, грабят и разрушают их.

– Как видно, островитяне и защищают вашу страну от нашествия морских пиратов!

Альдинбург был расположен на берегу обширной бухты. Внимательно и с интересом рассматривал Рерик этот портовый город, бывший Старград – столицу воинственного иллирийского племени варангов (варягов), потерявших родину и теперь разбредшихся по всему свету. Укрепления его

---

³ Ныне Голландия.

⁴ Сегодня он называется Рюген.

были построены необычным способом. Основание составляли огромные валуны, затем шли крепко спаянные каким-то особым раствором камни, и только наверху виднелись деревянные сооружения. В городе преобладали бревенчатые постройки саксов, но порой встречались кирпичные дома варангов.

– По обычаю дружка жениха должен войти в дом будущей невесты и спросить ее, согласна ли она выйти замуж?

– А! – догадался Рерик. – У славян это называется сватовством.

– А потом передать от имени жениха кольцо. Обряд называется обручением. Это ответственное дело я поручаю тебе как своему другу.

– Не напутать бы чего-нибудь.

– Не беда. Главное, чтобы она дала согласие на брак.

– А ты сомневаешься?

– Нисколько. Но все равно волнительно. Ведь с этого дня во многом изменится моя судьба!

Дворец герцога Готброта был огромный, деревянный, с высокими крышами. На крыльце стоял привратник.

– Доложи герцогу о приезде князя Бодричей, – приказал ему Рерик.

Тот мигом исчез за дверью, но скоро явился и, низко кланяясь, пригласил вовнутрь.

Перед Рериком открылись широкие и просторные залы с многочисленными арками и рельефно вырезанными стропи-

лами. Стены драпировались красочным материалом, по краям узких и длинных окон висели тяжелые декоративные ткани, богато расшитые золотыми нитями, они мерцали красными и пурпурными шелками. Яркая мешанина цветов радовала глаз, придавала помещениям тепло и уют и создавала праздничное настроение.

Посреди одного из залов Рерика ждал герцог – хозяин дворца. Рерик остановился, с достоинством поклонился, сказал:

– Приветствую тебя, герцог Готброд, и все твоё семейство. Здоровья и благополучия в твой дом!

– И тебе и твоему семейству желаю успехов и всяческих благ, – ответил герцог. – С какой целью прибыл в мой замок, князь Бодричей?

– Послал меня к тебе друг мой и собрат, герцог Уто, просить руки твоей дочери. Согласен ли ты отдать её в жены герцогу Уто?

– А это мы её спросим, согласно ли она выйти замуж.

Он кивнул головой, и слуга метнулся в дверь. Вскоре из неё вышла высокая, стройная девушка, в которой Рерик с трудом признал Илью, настолько она изменилась за эти три-четыре года, которые он не видел её. Она не была слишком красивой, но лицо её было приятно, а волнение придавало ему даже некоторую прелесть. Худые щечки её горели, большие выразительные глаза блестели, выдавая внутреннее смятение. Одетая она была в длинное платье со свисающими ру-

кавами, на лбу была повязана голубая лента, а толстая коса отливала золотистыми нитями, вплетенными в нее.

Герцог сказал, обращаясь к ней:

– Вот князь бодричей прибыл по поручению герцога Уто просить твоей руки. Что ты ответишь на это?

Она чуть вздрогнула, ее пальцы машинально разглаживали складки платья, и ответила покорным голосом:

– Я поступлю так, как ты велишь, папенька.

– Мое решение будет зависеть от твоего желания. Ты должна поступить так, как подсказывает тебе твое сердце.

Она опустила глаза (Рерик заметил, что у нее длинные, темные ресницы), проговорила дрожащим голосом:

– Я принимаю сделанное мне предложение.

Тогда Рерик быстро шагнул вперед, встал перед ней на одно колено и протянул руку.

– Герцог Уто просил передать тебе вот это. – Рерик открыл ладонь, на которой лежало массивное кольцо. – Он велел передать его от своего имени. Это кольцо с руки его высочества.

Она протянула ему свою руку. Кольцо украшала диковинная лань, распростершаяся в стремительном беге. Он надел его на безымянный палец.

– Оно велико мне, – отстраняя от себя изящное изделие и любясь им, сказала она.

– Герцог принесет лично такое кольцо, которое будет тебе как раз.

– Я жду с нетерпением герцога Уто, – промолвила она, сделала легкий реверанс и уплыла за дверь.

– Теперь Уто может безбоязненно являться в мой дворец, чтобы завершить обряд обручения, – проговорил герцог, с наслаждением потягиваясь в кресле. – Впрочем, по-иному и быть не могло: мы с его родителями совершили помолвку, когда им исполнилось семь лет. И с тех пор наше решение оставалось непоколебимым.

Как только Рерик появился в зале княжеского дворца, Уто бросился к нему.

– Ну как?

– Доставай кольцо, которое ты приготовил для невесты, и мы немедленно едем на обручение!

Обычно спокойный и невозмутимый, Уто сжал в своих объятиях друга.

– Я на седьмом небе!

– Как будто ты сомневался в другом ответе, – урезонил его Рерик.

– Да-да, конечно, – рассеянно отвечал Уто, мечась по залу. – Эй, кто там! Срочно одеваться!

На этот раз герцог Готброд и его дочь Ильва ждали князя в центральном зале. Их окружали родственники, приближенные, сановитые люди – все были в праздничных нарядах. При появлении гостей было громко провозглашено:

– Князь саксов Уто и князь бодричей Рерик пожаловали!

Уто уверенно (видно, справился со своим волнением)

прошагал по полу, устланному тростником, в направлении герцога, кивком головы отвесил поклон и произнес звонким от волнения голосом:

– Герцог Готброд, я явился во дворец, чтобы просить руки твоей дочери Ильвы, с которой мы десять лет связаны помолвкой!

У герцога на глазах невольно выступили слезы. Он шагнул навстречу своему будущему зятю и крепко обнял его за плечи.

– Породниться с тобой, герцог, я считаю великой честью для себя! Отдаю в твои руки мою дочь Ильву и надеюсь, что вы будете надежной опорой в жизни друг для друга!

Окружающие сдержанно зашумели, а Уто шагнул к Ильве, которая смотрела на него большими сияющими от радости глазами, встал перед ней на колени и протянул уже другое, но более изящной, тонкой работы кольцо.

– Позволь мне надеть его на твой палец, Ильва, в знак моей любви и верности!

Она, зардевшись, подала ему руку, и он легко надел кольцо на ее палец. Все разом облегченно вздохнули, снимая с себя напряжение торжественного обряда.

– Прошу всех гостей к столу! – громко провозгласил герцог и первым направился в соседнюю залу.

Зала была заставлена длинными столами и скамейками; со стропил окон свешивались цветы, усиливая праздничное настроение людей. Слуги разносили питье и закуски. Здесь

были вареное мясо – баранина и свинина, журавли, нашпигованные необычными пикантными соусами, дельфины, приправленные пшенной кашей, сваренной на молоке. Мальчишки стали разносить корыта, в которых лежали горы колбас, и гости брали себе по вкусу – кровяную, свиную, баранью, копченую или вареную. Потом пошли лебеди, павлины, кролики, цапли, оленина. Внесли котел с приготовленным особым способом мясом: разветвленными вертелами слуги вылавливали в нем куски и клали на тарелки перед гостями, каждый резал их своим ножом. На столах стояло вино, а возле скамеек находились бочонки пива, из которых любой из присутствующих черпал себе хмельного напитка сколько хотел.

Герцог произнес три здравицы: в честь короля франков, жениха и невесты и гостей. Все дружно поддержали его, а потом принялись за еду. Сначала стояла тишина, слышались лишь громкое чавканье, стук ножей о тарелки, потом начались разговоры, сначала вполголоса, а потом все громче и громче.

– А славно Уто и Рерик проучили хвастливых и заносчивых тюрингийцев! – громко сказал кто-то из гостей, и все закивали в знак согласия, а потом подняли бокалы, выкрикивая:

– За нашу победу!

– За союз саксов и бодричей!

– Чтобы мир и согласие царили на нашей земле!

В середине стола сидели Уто и Ильва, рядом с ней восседал отец, по правую руку от Уто – Рерик. Уто, блестя от возбуждения синими глазами, обратился к Ильве:

– Знала бы ты, какой под этой скромной личиной моего друга скрывается неистощимый выдумщик на разные забавы и шалости! В каких только переделках с ним не бывали в свое время!

Ильва склонилась над столом и взглянула на Рерика, и он отметил про себя, что сейчас она выглядела намного красивее, чем ему показалась в первый раз; восхитительны были ее глаза, большие, наполненные волнением и восторгом, довольно приятен небольшой с горбинкой носик, аккуратный рот. Впрочем, отметил он про себя, все невесты во время свадьбы бывают восхитительными, как каждый цветок в период своего наивысшего цветения. И тут же с удивлением заметил в ее глазах что-то диковатое и норовистое.

– Неужели вы росли такими озорниками? – спросила она низким грудным голосом и, не дожидаясь ответа, сказала Уто: – Угощай своего друга, а то у него в блюдах еда нетронутой стоит.

– Да-да, – заторопился Уто, но она уже не слушала его, повернулась к отцу и стала что-то говорить ему.

Явились менестрели, заиграли танцевальную музыку. Первыми пошли танцевать Уто и Ильва. Были они примерно одного роста, но за счет густых волос, переходящих в толстую косу, Ильва казалась чуть-чуть выше. Тонкая, гибкая,

она павой поплыла вокруг своего суженого; он, одну руку положив на пояс, а другой, высоко поддерживая ее ладонь, отбивал мелкую дробь и, слегка приседая, медленно двигался за ней. Все с умилением следили за каждым их движением. Рерик сидел и радовался, что у друга такая большая любовь. У него, Рерика, было несколько увлечений, но они не оставили в его душе какого-либо следа. «Наверно, я из другого теста слеплен», – с некоторым пренебрежением к себе подумал он. Приняв определенную дозу хмельного, он неожиданно почувствовал себя достаточно пожившим и умудренным.

Но вот менестрели заиграли веселую мелодию, и присутствующие кинулись в пляс. Но танцевали не поодиночке и вразброд, кто как хотел, как у славян, а все взялись за руки, образовали несколько кругов и дружно и слаженно заработали руками и ногами. Рерика подхватила какая-то молоденькая баронесса, до того украдкой кидавшая на него нежные взгляды, и увлекла за собой...

Потом гостей стали смешить мимы, показывали свою ловкость акробаты. Бродячие артисты водили между столами медведя в наморднике, и все потешались над его ковыляющей походкой... А затем снова играли менестрели, и снова все кидались в танцы...

Гулянье продолжалось до поздней ночи.

На другой день начались сборы в дорогу. Для Ильвы укладывалась крытая разноцветным пологом коляска. Среди ее подруг мелькала и та любвеобильная баронесса, назвавшая-

ся Руной, с которой Рерик пробыл на берегу моря до самых петухов. Она украдкой бросала на него преданные взгляды, он сдержанно улыбался ей в ответ.

С Ильвой отправлялись два десятка воинов во главе с седовласым Евтарихом. С ним неторопливую беседу вел герцог.

– Как выедешь, сразу забирай к югу, подальше от моря, там хорошая переправа через Эльбу.

– В тех местах мы переправлялись войском, когда шли на тюрингов.

– Там как раз начинаются леса. Викинги – морские разбойники, они избегают лесных чащоб.

– Страшатыся их, господин герцог.

– В дороге держись настороже. Чуть что, ныряй в густые заросли.

– Не впервой! Навидался заморских пиратов.

– И старайся избегать крупных рек. По ним они иногда на своих суденышках далеко в глубь страны заплывают. Ухо держи остро!

– Знаю, кого сопровождаю. Доставлю живыми и здоровыми!

После завтрака кортеж двинулся по пыльной дороге. Руна шла у стремени Рерика, проводив далеко за крепостную стену. На прощание он наклонился и поцеловал ее в мягкие, податливые губы, шепнул на ушко:

– Жди, обязательно приеду.

Дав кнута коню, догнал охрану, оглянулся. Руна стояла на заросшей травой дороге и глядела вслед, и ему стало чрезвычайно жаль ее, одинокую, покинутую...

Двигались, строго соблюдая порядок: впереди шла десятка всадников, затем пара лошадей везла коляску, в которой находились Ильва и ее служанка; замыкала шествие вторая десятка воинов. В самом конце ехал Рерик, которого покачивало от двух бессонных ночей: Руна оказалась ненасытной на ласки. Он сохранил ее девичий запах и волнующие слова любви...

Уто ехал возле коляски. Иногда слезал с коня, шел рядом, видно, разговаривал с Ильвой. Порой скакал в сторону, возвращался с цветами, совал их под полог.

Однажды подъехал к Рерику, спросил:

– Как ты? Не скучно одному?

Рерик понимающе улыбнулся:

– Мне хорошо. Скачи обратно, а то она с тоски засохнет!

Ах, друг Уто! С десяти лет они вместе. Сколько дней провели в играх и забавах, а когда стукнуло пятнадцать лет, облачились в доспехи, сели на коней и в составе то саксонского, то бодричского, а то и объединенного войска ходили походами против неприятельских войск. Сражались бок о бок в кровавых битвах, бросались на мечи и пики, заслоняя друг друга от врагов. И сейчас он, Рерик, готов ради друга на любые испытания.

За день проехали около сорока верст. На плоту перепра-

вилились через Эльбу, углубились в лес. Остановились на берегу небольшого озера, переночевали, а потом снова двинулись в путь. Порой встречались небольшие селения с деревянными домишками, жители врассыпную разбегались, как видно, напуганные набегами как иноплеменников, так и викингов, о которых здесь много наслышались и натерпелись.

Следующую ночь было решено провести возле небольшой речки. Напоили коней, сварили на костре ужин – пшеничную кашу с мясом. На свежем воздухе с аппетитом поели. Евтарих выставил охрану. Ночь была тихой, теплой, какие часто бывают в июне. Спали под открытым небом, завернувшись в плащи и подложив под себя потники.

Проснулись с восходом солнца. Полусонные, вялые, медленно стали ухаживать за конями, собрали хворост и разожгли костер, поставили котел с мясом. Рерик повел поить коня. Наблюдал, как конь брезгливо нюхал воду, широко раздувая ноздри и шумно дыша, отчего по гладкой поверхности воды пошла матовая рябь; потом стал неторопливо пить. Конь у него был отменный: высокий, с сильной грудью жеребец, послушный узде и свирепый в бою. Рерик погладил его по боку, потрепал холку и тронул с места, они стали подниматься по круче берега. Почти у самого верха вдруг услышал истошный крик.

– На помощь! Викинги-и-и!

Рерик рванулся вперед и взбежал на ровное место. Увидел: из-за перелеска мчалась на них группа всадников чис-

ленностью до четырех десятков человек, видны были конические норманнские шлемы (саксы и бодричи носили плоские шлемы), на солнце поблескивали мечи. Оглянулся: коляска герцогини стояла незапряженной, рядом паслись две лошади. Недалеко занималась своими конями примерно половина отряда, остальные были под берегом, поили животных.

Рерик мигом подтянул подпругу и вскочил в седло, кинул взгляд вокруг: воины торопливо прыгали на коней, некоторые охлюпкой, устремлялись навстречу врагам; из-под берега показалась голова Уто, расширенными глазами он зыркнул перед собой, крикнул:

– Рерик, спасай герцогиню! – и сам рванулся за воинами.

На Рерика мчались пятеро викингов, отделившихся от основной группы. Рядом с ним оказалось только двое всадников. Лица их были бледными, они молча наблюдали за приближавшимися норманнами.

– За мной! – выкрикнул Рерик, увлекая за собой растерявшихся воинов.

Он уже заметил, что седла викингов были без стремян. Видно, захватили коней у крестьян, бросили на них первые попавшие седла и выехали в глубь страны на поиски добычи. Между тем с IX века все европейские войска уже применяли стремяна. Они давали очень большие преимущества воину: можно было вернее сразить противника копьём наперевес, позволяли нанести более мощный удар мечом и саблей, точ-

нее прицелиться из лука.

Рерик наметил себе крайнего викинга, самого сильного и, судя по всему, самого отчаянного; с остальными должны были справиться его товарищи.

Схватка была короткой и яростной. Привстав на стременах, Рерик, пользуясь более легкой, послушной саблей, чуть-чуть опередил противника, рубанув его с «оттяжкой на себя». Этим страшным и безотказным приемом он овладел в совершенстве и пользовался в каждом бою.

Проскакав несколько шагов, он придержал коня и оглянулся. Увидел, что «его» викинг падал с раскрытым плечом. Рядом рубился с противником сакс. Наддав коленями коня, Рерик подскочил сбоку и полоснул по открывшейся шее врага. Тот покачнулся и стал заваливаться назад, нелепо размахивая руками.

В схватке был убит еще один викинг, но двоим удалось прорваться к крытой тележке. Рерик увидел, как усатый с расплюснутым носом норманн нырнул под полог, ловко вытащил наружу Ильву и воскликнул восторженно:

– Ах, какая красивая девушка!

– Быстрее! Быстрее! – стал сам себя подгонять Рерик, настигая плеткой коня. Он видел только этих двоих: викинга с расплюснутым носом и герцогиню, изо все сил сопротивляющуюся наглому и сильному мужчине. По топоту копыт определил, что следом скачут его товарищи.

Противник, увидев несущихся на них всадников, бросил

Ильву и изготовился к бою, но что-то у него не ладилось: то ли был ранен, то ли конь чем-то был напуган и отказывался слушаться хозяина. На сей раз было равенство, трое против троих, но кони Рерика и его товарищей набрали скорость, они были умелыми наездниками, а норманны всегда сражались только в пешем строю и на коней сели случайно, в поисках добычи.

И тут случилось неожиданное: викинг с расплюснутым носом вдруг дал плетей своему коню и помчался к месту, где сражалась основная группа¹ воинов. Оставшиеся даже не успели оказать серьезного сопротивления, как были изрублены на месте.

Рерик остановил коня и взглянул туда, где недавно кипел бой. Там все было кончено. Норманны загнали саксов под берег и, судя по всему, готовились торжествовать победу. Помочь своим спутникам он ничем не мог, надо было спасать герцогиню.

Он подскочил к коляске, откинул полог. Ильва сидела в углу, прижав к губам край одеяла, и с ужасом смотрела на него.

– Скорее! Ко мне! – крикнул он.

Ильва не двигалась, парализованная страхом.

– Быстрее! Надо бежать! Иначе мы погибнем!

Но она замерла, видно, не понимая его слов.

Тогда он соскочил с коня, взобрался в коляску, вскинул ее на руки. Помнил, что показалась она ему на удивление лег-

кой, почти невесомой. Спрыгнул на землю, схватил за уздцы лошадь, которая оказалась ближе всех, кинул на нее герцогиню, сам вскочил на своего скакуна, и они помчались по берегу реки, подальше от страшного места.

Проскакав некоторое расстояние, оглянулся. Ильва сидела в седле, держась руками за гриву коня. Он несколько сбавил бег, поравнялся с ней и передал повод.

Их никто не преследовал. Наконец, крутой берег сменился пологим. Рерик взял влево, и кони вынесли их к воде. Они с Ильвой направились вниз по течению. Речка была неглубокой, только в некоторых местах вода доходила до колен лошадей. Рерик решил уйти по воде как можно дальше, хотя и знал, что все больше и больше удаляется от Аахена и приближается к морю. Но только так можно было скрыть свои следы и оторваться от викингов, если они вздумают преследовать. Уже солнце поднялось над деревьями и стало сильно припекать, когда он выбрал просторную лужайку и они выехали на нее.

Рерик помог Ильве слезть с седла, коней пустил покормиться и отдохнуть. Они сели на траву.

Ильва была в походной одежде – домотканой рубаше и широких штанах. Волосы ее были растрепаны, она машинально приглаживала их ладонями. Упорно глядела в землю. Наконец подняла на Рерика большие страдальческие глаза, разлепила спекшиеся губы:

– Что с нашими стало?

Он пожал плечами, не зная что ответить.

– Уто погиб?

Рерик ничего не ответил.

Тогда она закрыла лицо ладонями, сквозь пальцы потекли слезы, тело ее стали сотрясать рыдания.

Рерик постепенно остывал от азарта боя и бешеной скачки, на смену им приходило чувство вины, нараставшее где-то в глубине души. Напрасно убеждал он себя, что был не в состоянии помочь Уто и своим спутникам, что не повинен в их гибели. Но тяжелое, мучительное состояние подавленности все властнее овладевало им.

Он встал, медленно прошелся по лужайке. С той стороны стелилось просторное поле, с этой надвигался дубовый лес с высвеченными солнцем полянами. «Вот по нему мы и поедем в обратную сторону, – решил он. – Норманны не любят лесов, мы минуем опасное место, ну а там выедем на дорогу и доберемся до ближайшего города».

Он вернулся к лошадям, подтянул подпругу на своем коне, проверил содержание сумки. Там лежал трехдневный запас еды, которым снабдили его в Альдинбурге. Конь Ильвы оказался норманнским, к седлу тоже была приторочена кожаная сумка. Что находилось в ней, Рерик решил посмотреть позднее. Сейчас надо было спешить скрыться в лесных дебрях.

На молчаливый вопрос Ильвы ответил:

– Едем в этом направлении, – и махнул рукой в сторону

леса.

Он посадил ее на коня, сам легко вскочил в седло, и они тронулись в путь. Лес встретил их прохладой и тишиной, только птички порой щебетали где-то среди листвы да в кустах мелькали тени каких-то животных. Кони шли легко по мягкой, устланной сгнившими листьями почве. Солнечные лучи освещали ярко-зеленую траву, цветы, мох и пестрые лишайники.

Но вот пошла низменная местность, дубовый лес сменился на смешанный. Сплошными зарослями стали попадаться молодые липы, осины и березки, сквозь которые невозможно было не только проехать на лошадях, но и пройти пешком человеку, их приходилось объезжать. Местами лес был завален буреломом, вывороченными корнями деревьев, в нем царил полумрак, он казался угрюмым. Воздух был сырой, настоящий на гнили и грибах.

Рерик часто поглядывал на солнце и старался ехать так, чтобы оно всегда было слева, а потом, после обеда, чуть спереди от него. Он долгое время жил в родовом имении, расположенном в лесных массивах, часто с ребяташками ходил в лес по грибы и ягоды, отец брал его с собой на охоту, и поэтому сейчас чувствовал он себя уверенно.

Наконец местность стала посуше, пошли строевые сосны. Ярко блестела хвоя на фоне серых и красноватых стволов деревьев. Лес стал редеть, впереди проглядывалось степное пространство. Рерик решил остановиться и осмотреться, а

потом уже выезжать из леса.

Он оставил лошадей под присмотром Ильвы, а сам, взяв на изготовку лук со стрелой, неслышно двинулся сквозь кустарник. И тут заметил оленя. Олень шел недалеко от него, в полутора десятках шагов. Призывно заиграл охотничий азарт. Можно было легко подстрелить животное. Но у него был запас еды, и он удержал себя от соблазна. Замерев, любовался изящными движениями стройного животного. Олень двигался медленно, ровным и спокойным шагом. Но вдруг остановился, запрядал ушами и пошел осторожней, а потом шарахнулся в сторону и исчез в кустах. В чем дело? Его он не заметил. Значит, испугало что-то другое. Какое-то хищное животное? Может, медведь или волк?

Рерик со всеми предосторожностями двинулся вперед. И тут через пару десятков шагов сквозь листву увидел какие-то тени. Кто это был, он не мог разобрать. Тогда продвинулся еще и ясно различил сидящих в кустах викингов. Он определил их по островерхим пушистым шлемам и одежде. Врагов было трое. Одного он узнал. Это был воин с расплюснутым носом.

Рерика спас олень. Не будь его, он вполне мог бы нарваться на засаду. А место норманны выбрали удачное: мимо них невозможно было проехать незамеченным, отсюда открывался вид на десятки верст в обе стороны.

Крадучись, вернулся к стоянке. Издали жестом показал Ильве: «Тихо! опасность!». Когда приблизился, шепнул:

«Викинги!». Соблюдая осторожность, отъехали в глубь леса, а потом Рерик повернул на север.

Он ехал и пытался понять, почему норманны решили их преследовать. Наверно, уговорил тот воин с расплюснутым носом. Он видел красоту Ильвы, понял, что если сумеет взять ее в полон, то получит богатый выкуп или дорого продаст на невольничьих рынках в городах Прибалтики: за красавиц там давали такие деньги, на которые можно было безбедно прожить без малого всю жизнь. Или попытаться получить выкуп; видя воинов, сопровождающих девушку, можно легко догадаться, что она из знатного рода и родители выдадут за нее приличную сумму. Ради таких богатств стоило рискнуть, а норманны не упускали заманчивую добычу.

Через три часа пути лес внезапно оборвался и перед ними раскинулось широкое поле; вдали виднелся край нового лесного массива. Можно было, конечно, ехать к нему, но на двигался вечер, следовало остановиться здесь на ночь, а завтра без особого риска двинуться в направлении Аахена.

Рерик сообщил о своем решении спутнице. Ильва молча кивнула. Всю дорогу она молчала. Ею овладело какое-то оцепенение, она делала все машинально, бессознательно и произвольно, с безучастным, отсутствующим взглядом. Рерик понимал, что она переживает гибель Уто. Сам он тоже часто видел одну и ту же картину, как его друг понукает своего коня и стремится быстрее ворваться в схватку с противником, на мгновение поворачивает к нему лицо и кричит

как завещание: «Спасай герцогиню!»...

Так-то вот все обернулось: друг пал в ожесточенной стычке, а он с его невестой тайными тропами пробирается к намеченной цели. Уто, Уто, друг дорогой, что с тобой стало? А может, судьба милостива, и ты остался жив и каким-то чудом ускользнул от диких викингов?.. Но Рерик побывал уже не в одном сражении, многое повидал и в чудеса не верил.

Жестокая правда войны приучила его к трезвому мышлению, лишенному несбыточных надежд.

Едва они расседлали коней и пустили их пастись на лужайку, как о траву ударился глухарь и по-глупому закудаhtал, распушив перья. Рерик не удержался и срезал его стрелой. Потом взял саблю, выкопал по колено яму и из березовых веток развел в ней большой костер. Когда стенки ямы прогрелись, вынул угли, а завернутое в листья мясо глухаря опустил в яму и сверху прикрыл плоским камнем, на котором снова развел большой огонь. Затем отыскал толстое дерево. Его корни образовывали естественное ложе для ночлега, туда он накидал лапы ельника; ствол дерева защищал от ветра, а раскидистая крона – от возможного дождя. Так в детстве устраивались они с отцом, когда уходили за дичью далеко от дома и их настигала ночь.

Мясо глухаря получилось удивительно вкусным: снаружи оно покрылось красновато-бурой пленкой, а внутри было сочным и нежным. Пока ужинали, наступили сумерки. Небо на закате из белого стало зеленым, потом оранжевым и тем-

но-красным. Они легли на мягкие лапы ельника и накрылись плащами. Перед ними горел костер, к дереву были привязаны кони.

– Завтра дождь будет, – неожиданно проговорил Рерик.

Ильва непонимающе взглянула на него.

– В ушах булькает, – пояснил он. – Я чувствую ненастье за сутки.

Она ничего не ответила.

Проснулись поздно. В овраге Рерик нашел ручеек. Они умылись, в баклажки набрали в дорогу воды. Затем он накидал на вчерашний костер сухих тонких веток, раздул огонь. Пока подогревалась еда и кипятился отвар из листьев смородины, решил разобрать сумку викинга. Вытряс ее содержимое на траву. Там были огниво, трут, сыр, вяленое мясо, нож, шило, нитки и какой-то сверток. Когда он развернул его, Ильва ахнула: в нем хранились золотые и серебряные серьги, кольца, браслеты, несомненно, награбленные во время набега. Видно, отряд давно промышлял в разных землях и странах.

Как истинная женщина, Ильва примерила все украшения, глаза ее блестели восторгом. Впервые она забыла про свою горе. И хотя Рерик тоже скорбел по безвременной гибели своего друга, но отрешенный вид Ильвы угнетал и подавлял, а надо было продолжать путь, быть готовым к различным опасностям. Для этого требовалось и ее активное участие, а иногда и помощь. Надеяться же на содействие безвольного,

безучастного человека, какой была Ильва, было бесполезно, наоборот, она становилась обузой для него. Теперь, когда в ней пробудился огонек жизни, он ощутил рядом с собой пусть слабенькое, но верное плечико.

Рерик спросил, чтобы как-то вовлечь ее в разговор:

– Нравится?

– Очень! – вытягивая перед собой руки с нанизанными на них кольцами и браслетами, ответила она. – У меня дома много украшений, но эти какие-то особенные, не похожие на мои. В них не зазорно появиться перед любыми гостями.

– Я дарю их тебе.

– Спасибо, но это слишком щедро. Оставь половину для своей девушки.

– Мне не для кого оставлять.

– Скоро появится... А в Аахене я надену эти кольца и вот этот браслет.

Вдруг лицо ее сморщилось, она, видно, вспомнила про Уто, с которым намеревалась посетить столицу. Рерик, чтобы отвлечь ее от грустного и тяжелого, резко сменил разговор и бодрым голосом сказал:

– Солнце на ели, а мы еще не ели! Пойдем к костру, думаю, завтрак готов.

Ильва первой взяла кусок тетерева, оставшегося от ужина, похвалила Рерика:

– Какое вкусное мясо!

– Отец научил. На охоте мы частенько тетеревов срезали.

Ильва лукаво посмотрела на него.

– Наверно, отец сбивал, а ты за добычей бегал...

– Ты права. И этот тетерев сам в яму угодил! – на шутку шуткой ответил Рерик.

– Как ты сбил эту курицу, я сама видела. Ловко, ничего не скажешь.

– Мы, мальчишки, лет с пяти берем в руки лук и стрелы. Поневоле научишься. Постоянно соревновались друг с другом. Неумех засмеивали до слез.

– Тебе попадало?

– Не без этого. Но я постепенно в число лучших выбился.

– Хвастаешься, поди!

– Доказать?

– Попробуй!

– А вот сама увидишь!

Рерик вскочил, взял лук, вложил стрелу, изготовился.

– Бери ветку и подбрасывай как можно выше!

– Любую?

– Нет, потолще. Она потяжелее, бросать будет удобней и мне легче целиться.

Ильва подняла рогатый, мокрый от утренней росы сучок и, собрав все силы, кинула вверх. Тотчас перед ее глазами тенью мелькнула стрела и впилась в сучок. В восхищении она захлопала в ладоши и запрыгала на месте.

– Восхитительно! Давай еще раз!

Она кинула сучок вторично, и снова стрела Рерика попа-

ла в него. Она молитвенно сложила руки на груди и сказала искренне:

– Я никогда не видела такого меткого стрелка! А мне приходилось наблюдать соревнования воинов нашей крепости.

– Это что! – ответил Рерик, убирая оружие на место. – У нас в сотне есть двое стрелков, которые попадают стрелой в летящую стрелу. Вот они – непревзойденные мастера!

Спыхватился:

– А нам в дорогу пора! Заигрались совсем...

Собралась быстро. Выехали в поле. Рерик постоянно оглядывался, внимательно рассматривал деревья и кустарники, но ничего подозрительного не заметил и скоро успокоился.

Они ехали стремя в стремя. Рерик изредка поглядывал на спутницу и радовался пробуждению ее интереса к жизни. Только бледность лица напоминала о пережитом горе. Чтобы о чем-то начать разговор, спросил, была ли она в Аахене.

– Да, приходилось, – ответила она рассеянно. – Кажется, три или четыре раза. В детстве.

– Понравилась королевская резиденция?

– Конечно!

– И что особенно запомнилось?

– Храмы и дворцы там высокие, кажется, упираются в самое небо. И народу столько! Особенно на рынке. А еще врезался в память только что выстроенный храм, на его стенах мастера рисовали святых. Я любила туда бегать. Работали там трое живописцев. Но особенно подружилась с Жих-

берномом. Мне тогда было семь лет. Я усаживалась возле него и наблюдала, как он растирает краски, смешивает их с маслом, а потом рисует. Меня восхищало, как на пустой стене возникали лики святых. Сначала появлялась голова, волосы, а потом черты лица. И только в последний момент возникали глаза. Они появлялись из темноты, постепенно обретая жизнь и вдохновение, и начинали смотреть прямо в душу...

Некоторое время они ехали молча. Потом Рерик проговорил:

– А мне из детства особенно ярко врезалось в память время, когда жили в родовом имении Лельчицы. Почему-то встают перед глазами зимние вечера, когда мы бегали вперегонки с месяцем. Он ярко светит на черном небе, а мы, мальчишки и девчонки, глядим на него и бегаем вдоль улицы. И каждый раз думалось, что вот-вот перегоним, он окажется позади нас, а он все равно плыл по небу рядом с нами... Глупые были!

Ильва рассмеялась. Смеялась она тихо, будто про себя. Потом проговорила:

– А мое детство связано с речкой Хазель. Пристрастилась я к рыбалке, вместе с мальчишками бегала на утреннюю и вечернюю зорьку. Удилища делали вязовые, а поплавки из толстого зеленого камыша, леску мальчишки надергивали из конских хвостов. Это было опасное занятие. Лошади лягались и могли крепко ушибить копытом. Но какое удоволь-

ствие было сидеть на берегу и ждать поклевки. Я даже помню, как вытащила первую рыбку, это была плотвичка. Я ее зажала в руках и побежала к маме показать. А мама ахала и долго не верила, что это действительно я поймала... И еще случай запомнился. Закинула удочку и отвлеклась на минутку, кажется, разговорилась с кем-то. Потом глянула, а удочки нет! Туда-сюда, а она плывет по течению, и поплавок ныряет и ныряет! Мальчишки кинулись в реку, поймали. Когда вытащили на берег, оказалось, что на крючке сидел огромный окунь. Такой величины рыбу я потом никогда не смогла поймать.

– Речка – это чудо! Как живое существо... Наша Лаба разливается весной необозримо. И вот отчаянные парни и мужики с баграми в руках по льдинам перебегают с берега на берег. Некоторые срываются в ледяную воду, кое-как выбируются, а бывают случаи и тонут. И все равно каждую весну бегают, прямо наваждение какое-то. Или азарт... И вот как-то стою на берегу, парень рядом не может успокоиться, бегаёт вдоль берега и выкрикивает: «Эх, багра нет! Был бы багор, на ту сторону побежал!». Потом обращается к толстому мужику: «Дай твой багор. Верну, чего тебе, жалко?». И знаешь, что ответил ему толстый мужик? Никогда не догадаешься! «Потонешь, поэтому не дам. Но мне не тебя жалко, а свой багор. Багор больно хороший!». Я тогда долго не мог понять, как же так, багор ему свой дорог, а человека не жалко!.. Только сейчас понимаю, что шутил тот мужик. А

может, глупого парня жалел.

Они посмеялись. Ильва повернулась, чтобы поправить что-то в седле, и вдруг вскрикнула:

– Всадники за нами!

Рерик оглянулся. Нахлестывая коней, к ним приближались трое викингов. Врагам удалось застать их врасплох. Сами виноваты, увлеклись разговорами, забылись, а они тут как тут...

– Держись! – крикнул Рерик и ожег лошадь Ильвы плетью, а затем пустил своего коня в галоп. Они стремительно неслись в сторону спасительного леса. Ильва оказалась прекрасной наездницей, недаром выросла на границе.

Через некоторое время Рерик оглянулся. Норманны неуклонно приближались. Среди них первым скакал всадник, в котором он угадал воина с расплюснутым носом. Он ушел несколько влево, намереваясь заняться Ильвой, заарканить желанную добычу и, может быть, закончить на этом преследование.

Гонка продолжалась. Не так далеко оставался желанный лес. Но викинг с расплюснутым носом на прекрасном скакуне уже догнал их и шел вровень. Тогда Рерик надал своему коню, на корпус обошел Ильву, чтобы она не заслоняла противника. Приготовив лук со стрелой, он стал внимательно наблюдать за действиями норманна. Тот отвязал от седла веревку и стал прилаживаться, чтобы накинуть ее на Ильву. И в тот момент, когда он поднял правую руку для брос-

ка, Рерик быстро приподнялся на стременах, прицелился и выстрелил. Стрела впиалась в незащищенный бок воина. Викинг вздрогнул, выронил веревку и начал заваливаться набок.

Рерик оглянулся. К ним приближались еще двое норманнов. Один из них отстал, а второй был уже недалеко. Тогда Рерик резко развернул своего коня и поскакал на неприятеля. Он решил воспользоваться моментом, расправиться поодиночке сначала с одним, а потом с другим противником.

Викинг, не сбавляя хода, вынул из ножен меч и изготовился к бою. Схватка получилась короткой и беспорядочной. Они разъехались, не причинив друг другу вреда. Но второй враг приближался, надо было спешить, и Рерик кинул своего коня вперед. Враг оказался ловким и изворотливым, он все-таки достал Рерика мечом и развалил ему левое плечо. И в этот момент ему показалось, что он сразил своего противника, потому что тот опустил меч и выпучился на Рерика поверх щита. Тогда Рерик, собрав последние силы, привстал на стременах и бросил свое тело вправо, ткнув острием сабли в живот неприятеля. Тот будто переломился надвое, припав лицом к холке коня, и стал съезжать с седла.

«Быстрее на третьего, пока в горячах не чувствуется боли и еще остались силы!» – мелькнуло в воспаленном мозгу Рерика. Но щит стал почему-то очень тяжелым, левая рука переставала слушаться. «Противник не должен знать, что я ранен! – лихорадочно соображал он. – И надо поразить его с

первого захода, иначе он измотает меня и добьет!»

И тут он увидел, что викинг развернулся и поскакал обратно, не решаясь принять боя. Как видно, это был один из тех вояк, которые привыкли не столько воевать, сколько грабить.

Рерик отказался от преследования и направил коня в сторону леса. Ильва ждала его недалеко от места схватки. Она поскакала ему навстречу, ловко соскочила с седла и схватила за стремя.

– Как ты?

– Слава богам, прогнал пиратов, – ответил он, пытаюсь прилепить на сведенное судорогой лицо скупую улыбку.

– Но ты ранен!

– Пустяки. Немного задело, – и тут почувствовал резкую боль в плече. Стал медленно слезать с коня. – Возьми в моей сумке чистые тряпки.

Он сел на траву, с помощью Ильвы снял кольчугу, рубашку. Обмывая рану, она все время приговаривала: «Потерпи, потерпи чуток, еще немного – сейчас будет легче».

– Кость не задета, – сказала она.

– Была бы кость, а мясо нарастет, – пытался пошутить он и невольно застонал от боли. Попросил: – Дай воды.

Сделал несколько глотков, прилег на траву, закрыл глаза.

– Я все видела. Ты мужественно сражался, – сказала она с чувством.

Он промолчал. Потом стал подниматься:

– Надо ехать дальше...

– Тебе нужен покой. Мы переночуем здесь.

– Нельзя, мы не знаем, сколько викингов кружит рядом.

Может, их трое, может, больше. Тогда нам несдобровать. Надо укрыться в лесу.

Она не стала спорить. Помогла ему подняться. Он постоянно, борясь с головокружением. Потом с трудом взобрался в седло. Она поехала рядом, не спуская с него глаз.

Примерно через час добрались до кромки леса. Здесь их застала гроза. Они не заметили ее приближения, потому что Рерику стало хуже, а она была слишком занята им. Сначала порыв ветра бросил в них холодные крупные капли, потом в небе полоснули молнии, ударил гром и полил сильный ливень. Они едва успели укрыться под развесистым дубом. Сначала крона прикрывала их от потоков дождя, но скоро на них полились струи воды, скопившиеся на листьях.

– У меня в седле плащ, – вспомнил он. – Принеси.

Они укрылись под плащом. Ильва вздрагивала всякий раз от страха, когда ослепительные сполохи озаряли небо. В ней жил давнишний страх перед молниями, они приводили ее в ужас. Он появился в раннем детстве, когда мать рассказывала ей, что молния – это знак гнева Господня за грехи людей. Теперь Ильва боялась, что гнев его обрушится на нее. Неужели ее грехи такие, что Бог наслал на нее викингов, которые отняли у нее жениха, а теперь хочет погубить и ее саму?.. Невольно жалась она к Рерику, ощущая его упругое жаркое

тело.

Дождь закончился так же внезапно, как и начался. Лило-вые тучи свалили к краю неба, засияло солнце. Они поднялись разминаясь. Одежда их промокла насквозь, слишком поздно он вспомнил про плащ. Сменить ее было не на что.

– Я думаю, нет смысла углубляться в чащу, – сказал Рерик. – Поедем вдоль кромки леса, может, нападем на какую-нибудь тропку. Она выведет к жилью, мы хоть узнаем, где находимся. Заодно в пути обсохнем на солнышке.

Ильва согласилась, и они тронулась в путь, но чем дальше ехали, тем больше Рерик слабел. Лицо его побледнело, лоб покрылся испариной, он стал покашливать. Повязка настолько намочила, что через нее сочилась кровь. Пришлось остановиться.

Ильва размотала и выкинула кровавую тряпку. Рана была ужасной. Вид живого мяса вызвал у нее тошноту, и она едва сдержалась, чтобы не стошнило. Промыла рану, прикрыла тряпочкой, а потом стала ходить вокруг, внимательно вглядываясь в траву. Вскоре ей попались тысячелистник и пастушья сумка. Она вымыла их и приложила к ране, а потом перевязала свежей тряпкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.